

НАТАЛЬЯ БАКЛИНА

МУЖ НА ЧАС

Ты в курсе, что тебя хотят убить?

Про любовь в зловещих
обстоятельствах

16+

Наталья Баклина

Муж на час

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43631475

SelfPub; 2023

Аннотация

Что должно произойти, чтобы прежняя жизнь перестала казаться нормальной? Людмила упала под поезд. Выжила чудом, и вдруг оказалось, что единственный, кто готов ей помочь – муж на час. Случайный мастер, когда-то оставивший ей свою визитку, и законный муж, у которого никогда нет на неё времени – кто же из них ей по-настоящему дорог? Кто стоит за необъяснимыми событиями и несчастными случаями? Кому помешала Людмила и чем всё это закончится? Неожиданные повороты сюжета и романтическая линия – в серии романов "История любви".

Содержание

Глава 2	22
Глава 3	38
Глава 4	54
Глава 5	70
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Наталья Баклина

Муж на час

Глава 1

Не смотря на шестой час вечера, Москва просто плавилась от жары. И хотя большинство автомобилей вместе с хозяевами удрало на лето загород, оставшихся хватало, чтобы их выхлопы собирались в удушливое облако, льнувшее к раскалённому асфальту. Москвичи разделись, наплевав на условности и почти позабыв приличия: мужчины до шорт и маек, бесстыдно обнажавших кривоватые и волосатые конечности. Женщины – до топов и белых полотняных брюк, сквозь которые нежно-розово светились символично задекорированные стрингами ягодичцы. А иногда, когда их владелицы наклонялись или как-то присаживались, ягодичцы выползали из-под спущенных на бёдра штанов подышать свежим воздухом.

Людмила этой моды не понимала – светить голой задницей из-под наполовину сползших брюк. И тихо радовалась, что её Соньке ещё мало лет, и пока её худая попа приобретёт такие вон, к примеру, как у идущей впереди девушки, формы, мода эта стриптизная, даст бог, сойдёт на нет. Девушка, шедшая впереди, вильнула полуоткрытыми ягодичцами, мелькнула загорелой спиной – короткий топик больше походил на лифчик – и нырнула в метро «Боровицкая».

Людмила пошла следом, и девушка, будто дразня, какое-то время так и маячила перед глазами. Но вскоре они разминулись: полуголая нимфа пошла на «Бровицкую», а Людмила, пройдя насквозь всю станцию «Библиотека имени Ленина» (можно было и верхом идти, но под землёй прохладнее), вышла к платформе «Александровский сад». Ей предстояло доехать до «Багратионовской» и у сценариста, умудрившегося схватить ангину в такую жару, взять сценарий фильма, с которым они сейчас возились.

Навстречу валила толпа с прибывшего поезда, но Людмила на него не успела – двери закрылись буквально перед носом. И она осталась ждать следующего, стоя на краю платформы. Та оставалась пустой совсем недолго: народу по случаю окончания рабочего дня валило порядочно, проходить к левому концу, тянувшемуся вдаль коридором, большинству было лень. И к тому времени, как с той стороны показался зелёный лоб прибывающего состава, за спиной у Людмилы топталась и жарко колыхалась плотная толпа желающих уехать. Она подумала, что после встречи со сценаристом нужно забежать на рынок, купить овощей для окрошки. Аркадий должен завтра приехать, а он ничего другого в такую жару есть не соглашается... И тут сильный толчок в спину сшиб её с ног.

Людмила свалилась вниз на рельсы, приземлившись на четыре конечности. Позади и сверху истошно завизжали, и дальше всё происходило одновременно: надвигавшаяся тём-

ная морда электровоза, всплывшие в памяти инструкции из газеты, что нельзя хвататься за край платформы – она под напряжением, и бросок ничком на шпалы, потому что спастись от отчаянно визжавшего тормозами электровоза можно было только у него под брюхом.

А потом вдруг сразу, как в кино или мультфильме, она оказалась не на воняющих чем-то техническим шпалах, а на стуле в небольшой комнатке. Перепуганная девчонка в серой униформе стояла перед ней со стаканом воды, а чья-то рука в белом рукаве совала под нос ватку, резко воняющую кошачьей мочой. Запах ударил, словно пощёчина, Людмила вздрогнула и отвернулась.

– Ну, слава богу, оклемалась! – сказала толстая тётка в белом халате. Рука с ваткой принадлежала ей.

– Г-где я? – Людмила силилась вспомнить, что это за люди, что за комната и почему у неё так сильно болят колени и ладони. Она посмотрела на руки: ладони были ободраны и кровоточили. Заглянула в запах цветастой юбки – колени кровоточили тоже.

– Здравсте-пожалста, не отошла, что ли? – посмотрела на неё тётка в белом. – В метро ты, деточка, из-под поезда тебя достали. Ты чего сиганула, жить, что ли, надоело?

– Сиганула? Нет! – Людмила наморщила лоб, вспоминая. Жара, полуголая девчонка, двери захлопнулись, толпа позади, сильный толчок в спину... – Меня толкнули, – недоумённо проговорила она, сама не веря своим словам.

– Эти могли, – тётка в белом ей, напротив, поверила. – Все и так полоумными здесь, в метро, делаются, а тут ещё мозги всем жарой пережарило. Ладно, деточка, отсюда выберешься, первым делом в церковь дуй, свечку ставь своему ангелу-хранителю.

– А поезд ... не доехал? – теперь Людмиле вспомнилась тёмная морда электровоза, и по спине пробежал озноб.

– Почти доехал, у него тормозной путь длинный, твоё счастье, что ты сиганула возле первого вагона. Хорошо, что сообразила лечь вдоль рельсов, как раз поездом тебя слегка накрыло, но не зацепило.

– На пятнадцать минут напряжение отключали, пока вас вытаскивали. Я так испугалась, думала – всё! – подала голос девушка в униформе и нервно глотнула воды.

– Думала она, – фыркнула тётка-врач. – Много вас развелось таких вот, думающих. Вон, прыгунья наша целая-целёхонька, синяки и ссадины не в счёт, а я на всяких впечатлительных полбутылки корвалола извела. Тебе ещё дать, что ли?

– Не надо, я уже в порядке, – дёрнула шеей дежурная.

– Здравствуйте! Сержант Никишкин, – сказали от двери, и Людмила медленно перевела взгляд на вошедшего в комнату милиционера. – Что же вы, гражданочка, под поезда прыгаете? Знаете, какие убытки несёт метрополитен из-за таких граждан, как вы?

– Нет, – Людмила не знала. Сержант тоже точно не знал,

и поэтому симпровизировал

– Миллион... долларов... в минуту.

– Вы что, хотите их с меня удержать? – вяло удивилась Людмила.

– А у вас что, есть что удерживать? – весело сдвинул фуражку на затылок милиционер.

– Нет. Меня столкнули...

– А вот про это вы мне сейчас подробно всё расскажете, а я запишу. Лен, ты бы шла на платформу, там поезда без тебя отправляются, как бы опять чего не вышло.

– Ой, – сказала дежурная, поставила стакан на стол и исчезла.

– Фамилия, имя, отчество? – спросил Людмилу сержант, пристроив на краю стола чистый лист бумаги, и приготовился записывать.

– А воды мне можно? – Людмила перевела взгляд на врача. Та кивнула и плеснула в оставленный дежурной стакан газировки из пластиковой бутылки. Людмила залпом выпила тёплую воду.

– Так как вас зовут? – терпеливо дождался милиционер.

– Людмила Романова... То есть, нет, Людмила Богатова...

– Так Романова, или Богатова? – не понял сержант Никишкин. – Паспорт можно ваш посмотреть?

– Паспорт? Он в сумке, – Людмила оглянулась, отыскивая свою летнюю сумку из светлой соломки.

– Украли, – понимающе кивнула врач. – Вот сволочи, ма-

родёры проклятые.

– Проживаете где, вы москвичка? – продолжал милиционер.

– Да, – кивнула Людмила. И тут сожаление по украденной сумке и обида на неизвестных сволочей-мародёров, которые её обворовывали, пока она лежала на рельсах и ждала смерти, острым лезвием вспороли ватную тупость, забивавшую голову. Её затрясло, и она обеими руками зажала рот, стараясь удержать полезшие наружу рыдания.

– Так, пошла реакция, – вздохнула врач и протянула Людмиле таблетку, – на, проглоти, успокоительное.

Людмила помотала головой. Чтобы проглотить таблетку, нужно было убрать руки от губ. И в этом случае, она чувствовала, крик, который она сейчас глотала и которым давилась, вырвался бы наружу и некрасиво бы бился о стены этой небольшой комнатки.

В открывшуюся дверь заглянула девушка-дежурная.

– Вот, пассажиры под скамейкой нашли, мне отдали, – она протягивала сумку из светлой соломки. – Ваша?

«Моя», – кивнула Людмила, всё ещё удерживая крик руками. Крупная дрожь постепенно превращалась в мелкую тряску.

– Разрешите? – спросил милиционер, она опять кивнула, и он раскрыл сумочку, заглянул и потряс над столом. Из сумки выпала одинокая визитка – единственное, что оставили Людмиле неизвестные мародёры. Кошелёк, мобильник, пас-

порт, ключи от квартиры и косметичка – всё это кануло в неизвестность.

– Муж на час, любые услуги, профессиональный подход, цены доступные, – прочитал сержант и присвистнул. – Ничего себе, люди деньги зарабатывают.

– Это мастер, он мне смеситель ставил, – истерика прошла, и Людмила смогла заговорить. – Там, на обороте его имя и телефон записаны.

Милиционер кивнул, достал свой мобильник и набрал номер, сверяясь с визиткой.

– Гражданин Захаров? Сержант Никишкин, милиция метрополитена. Скажите, знакомы ли вы с гражданкой Людмилой Романовой либо Людмилой Богатовой? Нет, их не двое, это одна гражданочка. Она тут у нас под поезд попала, и теперь имени своего вспомнить не может. А документы у неё украли, и только этот ваш телефон и остался. Мы? На Александровском саде. Нет, цела ваша знакомая, только не в себе малость. А, хорошо, это в комнате дежурной в конце платформы... Приедет сейчас за вами ваш муж на час, – сказал милиционер, отключая телефон.

– Он не муж, он мастер, – попыталась спорить Людмила. На споры сил не было, и она сказала, прикрыв глаза, – пишите ваш протокол, я могу говорить.

Мужчина приехал очень быстро – дотошный милиционер как раз дописал, что Людмила никого подозрительного рядом с собой не видела и того, кто её толкнул с платформы,

опознать не сможет. И в тот момент, когда она подписывала протокол – руки всё ещё тряслись, и подпись получалась непохожей – в комнату дежурной вошёл высокий худощавый блондин с гладко зачёсанными, собранными в хвост волосами.

– Что вам, гражданин? – посуровел от неожиданности милиционер.

– Я Игорь Захаров, я за Людмилой приехал, – кивнул блондин в сторону Людмилы. И только теперь Людмила его узнала. У них дома он работал в сером комбинезоне и синей бандане, повязанной почти до бровей, и образ того мастера, чьё имя она бы и не вспомнила, если бы не визитка, плохо вязался с довольно стильной внешностью вошедшего. Он походил не на сантехника, а, скорее, на какого-нибудь режиссёра. Или дизайнера. Или архитектора. В общем, на человека, который работает головой, а не руками. Людмила вяло удивилась, какие фортели выкидывает её сознание. Номер мобильного телефона собственного мужа забыла, а ассоциации всякие, кем мог быть этот Игорь Захаров, лишь бы не сантехником, выстраивает.

– Здравствуйте, – она вспомнила, что нужно поздороваться. – А я под поезд... упала.

– Бывает, – кивнул Игорь, и посмотрел на милиционера, – что от меня требуется?

– Ничего особенного. Подтвердить личность гражданки Богатовой, место её проживания. Да, и ваши документики

позвольте посмотреть.

– Документы в машине остались. А личность Людмилы я подтверждаю, и адрес могу сказать: улица Профсоюзная, – он назвал дом и квартиру.

– Всё верно, – кивнул милиционер, сверяясь с записями в протоколе. – Ладно, назовите ваше имя-отчество и телефон, по которому с вами можно связаться.

Игорь назвал

– Отлично, у меня всё, можете забирать потерпевшую, – разрешил милиционер. А Игорь подошёл к стулу, на котором сидела Людмила, и спросил

– Людмила, поехали?

– Куда? – попыталась она сконцентрироваться на вопросе.

– Домой. Или в больницу. Куда вам нужно?

– В больницу ей не нужно, кроме ушибов повреждений нет, а ссадины дома зелёнкой смажете, – встряла наблюдавшая за происходящим врач. – Если только прививку сделать противостолбнячную... На всякий случай. А заторможенность эта пройдёт к утру – пусть валерьянки выпьет и как следует отоспится за выходные.

Домой... В больницу... Прививку... Отоспится... Слова зажужжали пчёлами, и Людмила прикрыла глаза, пытаясь сообразить, что ей делать. Прежде всего, выйти на воздух из этого подземелья, вот что!

– Отведите меня наверх, – попросила она Игоря, и тот, кивнув, протянул ей руку. Она подала свою, стараясь не по-

тревожить ссадины. Его ладонь была твёрдой и шершавой от сухих мозолей. И наверное от этого она показалась Людмиле единственно реальной в том кошмарном сне, что ей сейчас снился, и она ухватилась за неё, насколько позволили саднящие ладони, в надежде, что эта рука её сейчас из сна вытащит.

Игорь, придерживая за локоть, вывел женщину на платформу и повёл вдоль длинного состава, куда торопливо садились люди. Они двое шли навстречу редющему потоку и почти дошли до поворота на лестницу, ведущую в верхний вестибюль метро, когда вагоны дернулись, поехали и загрохотали, набирая скорость. Людмила вцепилась в руку провожатого, несколько секунд остановившимся взглядом смотрела на мелькавшие вагоны, и тут ей стало темно.

А потом Людмила почувствовала, что заду её жёстко, а спине – хорошо. Сознанию потребовалось ещё несколько секунд, чтобы понять: она сидит на чём-то твёрдом и прохладном, а спиной опирается о что-то упругое и живое. Она открыла глаза и попыталась разобраться. Так, почему она сидит в метро на ступеньках? И что за мужчина придерживает её за плечи?

– Вы кто?

– Игорь Захаров, – он слегка отстранился. – Вам лучше? Идти можете?

– Да, могу, – прислушалась к себе Людмила. Мужчина встал и протянул ей руку, и от этого жеста память вернулась

окончательно: она чуть не попала под поезд и это – Игорь, «муж на час».

Они поднялись по ступенькам наверх, вышли рядом с библиотекой и, пройдя чуть в сторону, оказались возле светло-серой «Тойоты». Игорь пискнул брелком, отключая сигнализацию, и помог Людмиле забраться на переднее сидение. В машине, хотя она и стояла в тени стены, было душно.

– Ну, вы решили, куда вас отвезти? – спросил Игорь, включая кондиционер. – Домой?

– Домой, – кивнула Людмила, а потом вспомнила, – ой, нет, домой не получится, у меня ключи украли.

– Тогда вам обязательно нужно замки поменять, – сказал Игорь, дожидаясь, пока Людмила придумает, куда её отвезти. Та перебирала варианты. Получалось, что в результате этого нелепого происшествия ей либо замки нужно высаживать, либо искать, где переночевать. Сонька на Ставрополье у бабушки, Аркадий приедет только завтра к вечеру, вторые ключи у него. Можно бы к Настёне с Василием поехать, те как раз в санаторий позавчера улетели, и ей ключи от своей квартиры оставили, чтобы Людмила цветочки поливала. Но их ключи – у неё дома, а туда она не сможет попасть до завтра. Попроситься к кому-нибудь с работы? Можно было бы к Лидуше, она одна живёт... Или к Нине? Вот только в Фонде разбежались все уже давно, номера телефонов сгинули вместе с мобильником, а на память она их не помнит. Может быть, к Варваре поехать? Хотя и нелюбимая, но родственни-

ца. Или всё-таки замки в квартире ломать? Мастер, вот он, рядом.

– Знаете, у меня получилось два варианта: либо как-то открывать двери, либо дожидаться, когда муж вернётся из поездки, – сообщила она Игорю.

– Какие у вас двери, напомниме, – попросил Игорь.

– Ну, железные, тяжёлые такие. Там три замка и специальные защёлки, – сказала Людмила, понимая, что открывать их двери без ключей – та ещё морока.

– Точно, вспомнил, сейфовые двери с повышенной защитой. Их просто так не вскрыешь, ломать придётся. Запасные ключи есть?

– Есть, у мужа на работе. А он вернётся только завтра к вечеру, – вздохнула Людмила. – Ладно, поехали к Варваре, она на улице Лобачевского живёт. Попрошусь переночевать, одну ночь как-нибудь выдержу.

Всю дорогу, пока ехали на улицу Лобачевского, Людмила старалась настроить себя на встречу с Варварой. Сестру Аркадия она не любила. И не из собственной вредности – у неё обычно получалось договариваться с людьми. Сама Варвара отчего-то испытывала к невестке стойкую неприязнь, держалась с ней подчёркнуто сухо и если случалось пересекаться из родственных соображений, нет-нет, да и подпускала в Людмилин адрес какие-нибудь шпильки, намекая, что та – замужняя клуша, не способная на вольный полёт. Сама Варвара считала себя на полёт способной. Она никогда не

была замужем, жила одна, и время, которое у замужних женщин обычно занимает семья, тратила сугубо на себя, любящую. Ездил по миру, ходила на какие-то тренинги, выставки, тусовки. Причём, всё у неё было с зававыкой. Если путешествия, то в индийские аюрведические центры или к мексиканским шаманам, если тренинги – то какого-нибудь озонанного дыхания или спонтанной двигательной импровизации, если выставки – то тибетских мандал, если тусовки – то каких-нибудь йогов, кришнаитов или суфистов. Заработки – а Варвара держала собственную нотариальную контору – позволяли ей вести такой образ жизни. Людмила её не понимала и даже осуждала потихонечку, впрочем, ничем не выказывая Варваре своего осуждения. Но с подружкой Настёной они нет-нет, да и сплетничали о причудах сестрицы Людминого мужа, удивляясь, до чего может дойти бездетная и безмужняя баба, которой некуда девать время и деньги. И хотя инициатором таких разговоров обычно была Настёна, Людмила тому поддерживала, и, сплетничая, как бы избавлялась от послевкусия надменности и презрения, которыми её обдавала Варвара. Вот и сегодня утром, Варвара звонила, спрашивала Аркадия и разговаривала с Людмилой слегка высокомерно. А вечером, пожалуйста, она к Варваре как раз и заявится во всей красе: руки ободраны, колени сбиты, одежда в каких-то мазутных пятнах.

До улицы Лобачевского они доехали за двадцать минут.
– Вот сюда, – Людмила показала, куда заезжать, и «Тойо-

та» Игоря, проехав через арку во двор, остановилась у углового подъезда. Игорь помог женщине вылезти из машины и пошёл вместе с ней к подъезду. Подойдя к двери, она набрала на домофоне номер нужной квартиры. Домофон попиликал, сколько смог, и затих – на том конце никто не откликнулся.

– Нет её, – растерялась Людмила. Почему-то то, что Варвары не окажется дома, ей в голову не приходило. Надо же, так всю дорогу настраивалась на неприятную встречу, а та, как по заказу, и не состоялась. – Может быть, в магазин вышла? Или на работе задержалась? Но вы, Игорь, не ждите меня, поезжайте! Я её тут, во дворе дожусь!

– Какой двор после этого вашего... происшествия, – внимательно взглянул ей в лицо Игорь. – А если эта ваша родственница уехала на выходные?

– Вообще-то могла... – опомнилась Людмила. – А что же мне делать? У меня ни денег, ни документов, ни ключей...

– Садитесь, поехали, – решил Игорь, и она послушно села обратно в машину, и только когда «Тойота» выехала со двора и помчалась куда-то, спохватилась.

– Если вы везёте меня к себе, то я не согласна! Я лучше на вокзале переночую!

– Лучше, чем что? – весело взглянул на неё Игорь.

– Лучше, чем под одной крышей с чужим мужчиной!

– А чего вы взяли, что я везу вас под свою крышу? – хмыкнул он, и Людмиле стало неловко. – Вообще-то я хотел вас

к своим старикам отвезти, они на даче живут в Луговой. Переночуете, поживёте денёк на свежем воздухе, от шока оправитесь, может быть, телефоны нужные вспомните...

– Я помню уже, и домашний, и рабочий, и мобильный Аркадия. Только что в том толку? Всё равно муж раньше завтрашнего вечера в Москву не вернётся – он сегодня поездом выехал. И в том, чтобы сейчас его ставить на уши не вижу смысла.

– Ну, вот и поживёте пока спокойно у моих стариков, – кивнул Игорь.

Посёлок, куда её привёз Захаров, оказался очень уютным: с высокими старыми деревьями, аккуратными улицами, застроенными разномастными некичливыми домами. Бревенчатый домик, возле которого остановилась их машина, был очень мил и утопал в зелени: в кустах сирени, жимолости, в каких-то причудливых выюнах, скрывших забор под навесом из широких, сердечками, листьев и украсивших его поверху белыми пушистыми султанчиками соцветий. Никаких грядок Людмила, оглядывая участок из-за забора, не увидела – трава, цветы и дорожки, сложенные из круглых древесных спилов.

– Анна Николаевна! Сергей Савельич! – крикнул Игорь, и она удивилась. Она успела решить, что старики – это его родители. А он, выходит, привёз её к чужим людям.

Из-за дома показалась полная женщина лет за шестьдесят, вытиравшая руки передником

– Ой, Игорёк приехал! – обрадовалась она. Потом заметила Людмилу и улыбнулась уже ей. – Здравствуйте! Ты с гостьей сегодня?

– Это Людмила, – объяснил Игорь, пропуская Людмилу вперёд. – У неё неприятности и ей нужно где-то побыть до завтрашнего вечера. Анна Николаевна, можно у вас?

– Да хоть пусть всё лето живёт, – всплеснула руками Анна Николаевна. – Комната всё равно пустая стоит, ты же всё никак к нам не соберёшься!

– Анна Николаевна, ну дела никак не отпускают, вы же знаете, – приложил руки к груди Игорь. – Сейчас сплошь ремонты, самый сезон!

– Ох, Игорёк, всё равно всех денег не заработаешь, – шутливо пихнула его в плечо хозяйка. – До завтра-то хоть побудешь?

– Не могу, Анна Николаевна, вот честное слово, никак, – повинился Игорь. – Но крошку вашу останусь поесть!

– Ну что прикажете делать с этими мужчинами? – спросила Анна Николаевна у Людмилы, как бы приглашая её в сообщницы. – Одна еда на уме! Мой Савельич тоже, пока не поест, ни о чём другом и думать не может! Проходи, негодник, и знакомую свою приглашай. Проходите, Людмила, хотите, я вам сарафан дам переодеться? Сейчас Савельич вернётся, как раз за стол и сядем.

– А где он, Анна Николаевна? – спросил Игорь, пропуская Людмилу в дверь веранды. Дверь состояла из стеклянных

прямоугольников, вставленных в некрашеную, но покрытую лаком деревянную раму. Сама веранда изнутри была обшита деревянными планками, тоже не крашенными, а лишь гладко отполированными.

— Да в магазин за хлебом пошёл. Ты же знаешь, он окрошку только с «Бородинским» признаёт. Да вы руки мойте, садитесь. Я вам малины дам.

Людмила сменила свою пахнущую бедой одежду на свободный ситцевый сарафан, выданный ей хозяйкой. Он был великоват, пришлось подвязывать поясом и скреплять булавкой лямки, но зато — чистый. Переодевшись, она помыла руки под притулившимся в углу веранды краном. Потом села за круглый, покрытый светлой клеёнкой стол. Съела несколько крупных, сизоватых, словно подёрнутых дымкой, ягод поданной хозяйкой малины. И вдруг ощутила такой покой, который ощущала, наверное, в детстве. Она попыталась вспомнить, когда же ей так хорошо, так покойно было в последний раз, но тут в двери вошёл крупный старик, и всё завертелось. Старик принялся обниматься с Игорем, Анна Николаевна начала знакомить его с Людмилой, объяснять, что это подруга Игоря, что она поживёт у них с недельку, Людмила пыталась объяснить, что она не подруга и поживёт до завтра, но никто никого толком не слушал. Потом все как-то расселись за столом, Анна Николаевна разлила по глубоким керамическим мискам окрошку. И когда Людмила откусила от ржаной горбушки и съела первую ложку пахнущей зеле-

нью, щиплющей язык и отдающей хреном окрошки, ощущения покоя вернулось. И ей действительно захотелось пожить здесь недельку. Пусть даже её при этом принимают за подругу мастера Игоря, «мужа на час».

Глава 2

Как ни хотелось ему задержаться у стариков, Игорь заставил себя уехать. И не только потому, что работа завтра на объекте начиналась с семи утра. За выходные, пока заказчик с семейством жил у знакомых на даче, требовалось сменить трубы, установить унитаз с бачком, выкинуть старую ванну и взамен смонтировать душевую кабину со всем сопутствующим оборудованием. Возня предстояла глобальная, Игорь даже позвал в напарники Серёгу-слесаря, который как раз находился в межзапойном периоде, а значит, был на пике собственной формы. И теперь ему ещё раз нужно было проверить, настроился ли напарник на ударный труд. Так вот, Игорь поспешно уехал от стариков не только из-за Серёги: он сбежал от Анны Николаевны, которая всерьёз решила, что Людмила – его женщина, и хлопотала над ней соответственно, и даже спросила шёпотом, не обидится ли та, что он её одну ночью оставил. Пришлось, рассказать Анне Николаевне всё, как есть. И про то, что знакомство у него с Людмилой весьма поверхностное, и про то, что поездом её чуть не задавило, и про то, что кроме него о женщине в ближайшие сутки позаботиться некому.

Анна Николаевна слушала, ахала, всплёскивала руками, с жалостью поглядывала на Людмилу, сидевшую на лавке у палисадника и подставлявшую лицо закатному солнцу, обе-

щала присмотреть за бедняжкой. А потом вдруг выдала, что тем более нельзя её после пережитого ночью одну оставлять. И что они с Игорем – красивая пара. В общем, пришлось сматываться, пока не началось.

Игорь усмехнулся, поворачивая к московской кольцевой дороге. Ох уж эта Анна Николаевна, никак не уговорить! Всё старается ему невесту найти. Делает это наивно и трогательно, как бы невзначай рассказывая, что к соседке через два дома племянница погостить приехала, очень милая женщина, очень! Ветеринарным врачом работает. И не замужем. Или зазывая на свой день рождения какую-то свою бывшую коллегу с дочерью, недавно развелась с мужем-алкоголиком и теперь – совершенно свободна! Что-то такое она наверняка рассказывала и этим кандидаткам в невесты, потому что разведённая дочка коллеги за столом жеманничала со страшной силой, даже ножом орудовала, оттопыривая мизинец. И слова произносила особенным голосом, видимо, манеры демонстрировала. Игорь тогда не высидел до конца обеда и удрал по-английски, не прощаясь, отчасти понимая, отчего спился бывший муж этой дамочки. Да и вторая кандидатка, соседская племянница-ветеринарша, когда они встретились у магазина, поздоровалась с многозначительными интонациями и смотрела с вызовом, будто ожидая от него неких поступков.

Теперь вот старушка решила, что они с Людмилой пара. И так расстроилась, когда он объяснил, что женщина заму-

жем! Хотя, конечно, муж у неё тот ещё гусь... Игорь хорошо помнил этого типа – на морде просто крупными буквами написано: «Я – очень важная персона!» Когда этот её муж открыл дверь и спросил барственным тоном «Вы к кому, милейший?», Игорь еле сдержался, чтобы не ответить «К супруге вашей, уважаемый». Он вообще не ожидал, что дверь откроет мужчина: звонила ему, договаривалась о работе и объясняла, что надо сделать, женщина. Он так и решил для себя, собираясь на вызов: очередной одинокой тётке потребовались в хозяйстве мужские руки. А может быть, и не только руки... Хотя нет, в случае с Людмилой уже по телефону было ясно, что у женщины на уме только замена смесителя.

Игорь усмехнулся, вспоминая все эти казусы, которые с ним случались за последнее время. Когда он подхватил чью-то идею про «мужа на час», подсмотрев в метро объявление и сделав подобное, но с номером своего телефона, и так же расклеив его на дверях вагонов, он как-то не подумал, что его поймут превратно. И в первое время даже злился, когда ему стали названивать женщины, уточнять игривыми головами, насколько далеко заходят его услуги и намекать, что муж – это гораздо большее, чем вбитый гвоздь или отремонтированный кран. Одна такая «жена» попыталась расплатиться натурой, попросту скинув с себя шёлковый халат... Перед этим она сновала в этом халате из кухни и обратно, пока он собирал ей кухонные шкафчики, и нагибалась, демонстрируя вываливающиеся полушария груди, и шептала

томно «Ах, вы так красиво работаете, как артист! Обожаю мужчин, которые умеют красиво работать!» Потом она зазвала его в спальню «посмотреть, почему мигает бра». Он пошёл – может, и вправду мигает. Там хозяйка скинула свой халат и посмотрела на него призывно (не на халат, ясное дело, на Игоря). Пришлось сообщать ей скучным голосом, что он с заказчицами не спит, даже с такими, как она, неземной красоты. Так что извиняй, хозяйка, с тебя тысяча рублей.

Ох, и обиделась та дамочка! Просто пятнами пошла пунцовыми! Швырнула ему деньги, прошипела что-то про импотентов и «голубых», из-за которых нормальным бабам и жить не с кем. А он и не спорил. Голубой, так голубой. Импотент, так импотент. Вике он перестал быть нужен, так какая теперь разница.

На въезде с кольцевой в город образовался небольшой затор, и Игорь полз по соседству с ярко-жёлтым «Вольво»-кабриолетом. Верх машины был опущен, и было видно, что за рулём – мальчишка, раздувшийся от крутизны своей «тачки». Он вальяжно развалился в чёрном водительском кресле, небрежно придерживая руль левой рукой и пренебрежительно оглядывая своих менее крутых соседей по движению. «Что, сынок, папа подарил? Или тётенька богатая?» – усмехнулся одними глазами Игорь, перехватив один из таких взглядов «крутыша». «Интересно, как бы ты глядел, если бы тебя, такого лощёного, на годик к нам в детдом закинули на перевоспитание? Впрочем, чего это я. Живи, малыш, и ра-

дуйся, пока есть возможность».

На втором светофоре жёлтый кабриолет потерялся из виду, и Игорь тут же о нём позабыл, вернувшись мыслями к Людмиле. Точнее, к её супругу, который надувался так же, как этот юнец в кабриолете.

– Аркадий, это мастер, я вызвала смеситель поменять, – сказала тогда Людмила, появляясь за спиной этого типа. – Проходите, пожалуйста.

Игорь прошёл, слегка подвинув типа, который почему-то не спешил впускать его в квартиру и смотрел с подозрением. Поэтому Игорь решил его игнорировать.

– Показывайте, что делать, хозяйка.

– Меня зовут Людмила Богатова, – представилась она, и это было странно, обычно в домах, где он работал, ему не представлялись.

Людмила показала, что делать. Старый смеситель, страдавший серьёзным недержанием – вода подтекала и из вентилей, и из переключателя душа – нужно было сменить на новый. Новый, кстати, был очень удачным, с керамическими втулками и хорошим рассеивателем, дававшим тугие струи. И при этом – отечественным, а не дешёвой китайско-турецкой подделкой. Дорогой германский, или итальянский смеситель этому семейству, судя по облезлости остальной сантехники, явно был не по карману.

– Кто вам так удачно смеситель купил? Муж? – не удержался Игорь от похвалы, сразу простив её мужу надменную

физиономию.

– Нет, что вы, Аркадий ничего в этом не смыслит, он адвокат, – смутившись, объяснила ему хозяйка, как будто «адвокат» и «неумеха» – синонимы. – Это Василий, муж моей подруги, посоветовал купить. А просить его устанавливать как-то не удобно...

– Понятно, – кивнул тогда Игорь. – Вообще-то вам и раковину не мешало бы поменять, вон, треснула, может начать протекать.

– Да, наверное, заменю, может, чуть позднее. У нас и крышка на унитаэном бачке расколота...

– Ну, так зовите, если что, сделаю. И купить помогу, – предложил Игорь.

Со смесителем он справился за час с небольшим, получил свои деньги, отказался от чая и оставил Людмиле визитку с телефоном. Он всегда так делал, чтобы клиент, в случае чего, мог его порекомендовать друзьям-знакомым. Впрочем, в этом случае ему ещё и хотелось, чтобы она ему позвонила. И не только из-за работы. У Игоря тогда мелькнула шальная мысль, что вот с этой женщиной можно было бы развить отношения дальше рамок «хозяйственного обслуживания». Наверное, душа требовала хотя бы такой компенсации пренебрежения, которым встретил Игоря её супруг. Супруг этот, кстати, так и не вышел из комнаты, полностью свалив на жену все «разборки» с мастером. А визитка эта сегодня вдруг всплыла вот таким вот странным образом... И он,

пусть не сразу, но вспомнил миловидную заказчицу Людмилу Богатову.

И раз так уж случилось, что был он неподалёку, на Остоженке – оценивал одному деятелю, затеявшему евроремонт в бывшей коммуналке, во сколько обойдётся замена электропроводки – то отчего же не помочь, не подбросить женщину до дому, раз уж ей так не повезло. И вот – помог, ввязался в историю... Хотя, вполне вероятно, бабка эта, в метро, страдала каким-нибудь маразмом.

Игорь ещё раз вспомнил, как это было: Людмила смотрит на мелькающие вагоны и вдруг сначала деревенеет, а потом начинает плашмя валиться на пол, и он еле успевает её подхватить. Потом, понимая, что оставить её нельзя, а врача отсюда не дозовёшься, усаживает женщину на ступени близкой лестницы и обнимает за плечи, чтобы не падала. И тут к нему подходит плохо одетая бабка-побирушка

– Сынок, дай бабушке на хлебушек!

– На, мать, возьми, – нашаривает он в кармане пятьдесят рублей.

– Спасибо, сынок, – старуха проворно прячет купюру где-то под вытянутой кофтой. – А я видела, что с твоей женой приключилось.

– Да, я знаю, она с платформы упала, – кивнул Игорь.

– Нет, её парень один толкнул. Щуплый такой, маленький, в майке растянутой. Толкнул, сумку выхватил и ушёл.

– Убежал, наверное? – уточнил Игорь, не очень-то веря,

что старуха что-то там могла увидеть в этой толчее.

– Нет, ушёл. Спокойно, как будто он тут не при чём. Сумку тут вот обшарил, всё в пакет преложил, у него был с собой, зелёный такой, а сумку у стенки бросил. Это я её подобрала и отдала дежурной.

– Спасибо, мать. А как парень, говоришь, выглядел?

– Худой, маленький, на голове шапка эта, как они все носят, с козырьком...

– Бейсболка.

– Ага, она. Трусы такие длинные, до колен, майка чёрная, вся растянутая. А пакет – зелёный такой и буквы на нём: ФИН.

– А милиции рассказала?

– А что мне та милиция, зарплату платит? – поджала губы бабка, Игорь понял намёк и полез в карман

– На, мать, тебе ещё полтинничек. Пацана, в случае чего, узнать сможешь?

– Пацана? Не-ет, он козырёк прямо на лицо надвинул. Вот шапку эту его узнаю. И пакет тоже.

Тут Людмила завозилась, приходя в себя, и Игорю стало не до бабки. А потом началась суматоха с тем, что Людмиле негде ночевать и её нужно куда-нибудь устраивать. И вот теперь, возвращаясь к себе на Живописную улицу, он опять вспомнил бабку. Интересно, померещилось старухе, или Людмилу действительно столкнули неслучайно? Какой-нибудь сволочной наркоман, таким вот образом добыва-

ющий себе деньги на «дозу»? Да, не повезло тебе, Людмила Богатова, не твой сегодня день.

**

Людмила лежала в чужой постели и не могла уснуть. Мешали сверчки за окном. Кровать, где она спала, стояла в крошечной комнатке под крышей, хозяйка назвала её «мансандрой». Так и сказала: «Людочка, я тебе в мансандре постелю», а ей и неудобно было поправить. Маленькое окошко под косым потолком по случаю жары было выставлено, и вместе с живительной ночной прохладой – да, это вам не Москва, где днём раскалённый асфальт не успевает остыть за ночь – в комнату проникали ночные звуки. Короткий кошачий мяв, перестук далёкой электрички. И многоголосое оголтелое цвиркание.

Сверчки звучали точно так, как цикады в Ставрополе. У них там был свой дом, и Люда летом, в жару, спала в саду на поставленной в винограднике железной кровати. И вот так же стрекотали сверчки, и воздух пах «ночной красавицей» – так бабушка называла мелкие белые цветы, которые будто светились в ночи и издавали одуряющий аромат.

Такой же аромат они издавали в ночь, когда к ней под виноград пришёл Аркадий. Ей было восемнадцать, она хотела стать учителем и перешла на второй курс местного педагогического института. Аркадию было двадцать пять, он учился на юриста и приехал в Ставрополь на преддипломную практику. Они познакомились в парке на дискотеке, ве-

сёлая смешливая провинциалка Людочка и серьёзный важный москвич Аркадий. Он пошёл её провожать тогда после танцев, и всю дорогу рассказывал, в каком престижном институте он учится, какие книги читает, с какими людьми знает и какими важными делами занимается. Людочка слушала его, замирая от масштабов открывавшейся перед ней личности. Масштабы были столь значительны, что Аркадий время от времени сам себя тормозил: «Ну, ты этого не поймёшь». Людочка не спорила. А мысль, что мог бы попробовать объяснить, вдруг бы и поняла, давила в самом зародыше – он взрослый, он москвич, он лучше знает. И продолжала слушать, кивать и ахать даже после того, как спотыкалась об это его «не поймёшь», изредка вставляя и свои рассказы об институте, о городе, о маме, школьной учительнице, о папе-водителе, об их доме и уютном дворике, где ей так славно спится в винограднике.

Людочка готова была вот так гулять с ним хоть до утра, но дома нужно было быть ровно в двенадцать, иначе папа мог в следующий раз не пустить на дискотеку. Такой у неё с отцом был договор. Аркадий проводил её до калитки, задержал на минуту и даже пытался обнять, но девушка выскользнула из его рук, понимая, что времени до «часа икс» уже не осталось. И действительно, большие настенные часы уже начали отсчитывать удары, когда она вбежала в дом. Отец хмыкнул, но ничего не сказал, и Людочка отправилась в виноградник грезить о сегодняшнем знакомом. Надо же, такой умный, взрос-

лый, москвич, и весь вечер провёл с ней, Людочкой. Девчонки полопаются от зависти, Танька, вон, Сквородникова, так глядела, что будь Людочка соломенной, вспыхнула бы и сгорела! Она засмеялась в темноте и потянулась истомно, и тут перед ней возник Аркадий. Она впоследствии пыталась восстановить в памяти, как всё случилось, но там была какая-то каша из его бормотания, горячих влажных ладоней на её теле, сырых поцелуев, которыми он закрывал ей рот, тяжести его тела и пронзительной боли, которая заставила её закричать.

– Тихо ты! – зашипел Аркадий, скатываясь с кровати. – Предупреждать надо было!

«О чём это он?» – Людочка вынырнула из хаоса чувств и событий. Расставание с девственностью произошло так неожиданно и быстро, тело настолько переполнилось новыми ощущениями – одновременно пустотой и наполненностью, болью и лёгкостью, затишьем и бурлением – что она будто потеряла себя на несколько минут. «Накройся» – велел Аркадий, натягивая джинсы, и Людочка натянула покрывальце до самой шеи. Надо же, вот и случилось, она стала женщиной. А Аркадий, получается, теперь её муж.

– Аркаша, а когда мы поженимся? – спросила она, наблюдая, как парень, чертыхаясь, возиться с застёжкой.

– Что ты сказала? – вздрогнул он.

– Она спросила, когда свадьбу играть будем, – сказал, выходя из-за зелёной стены отец, и Люда ойкнула, укрываясь

покрывальцем с головой.

– Э... простите, – растерялся Аркадий.

– Бог простит, – сообщил отец. – Во вторник загс в десять утра открывается, я предупрежу заведующую, чтобы долго не тянули, побыстрее вас расписали. Люд, тебе двух недель хватит подготовиться?

Она промолчала, потому что от стыда перехватило горло. Но ей хватило бы и двух дней. Да что там, двух часов бы хватило: разве не понятно, что их с Аркадием свела судьба? И он тот самый суженый-ряженный, на которого они с девочками гадали на Святки, бегая и приставали к прохожим мужчинам, спрашивая их имена. Правда, Людмиле тогда попался какой-то Егор, но откуда в их захолустье было взяться Аркадию?

– Позвольте, не знаю вашего имени отчества, но я сам решу, когда и на ком мне жениться! – сказал Аркадий, а отец ответил:

– А ты что, девочку обесчестил, и не решил ещё, что ли? Так решай скорее, или в институт тебе написать, в комсомольскую организацию, чтобы подсказали?

– Не надо никуда писать, – сказал Аркадий после паузы. – Я прошу руки вашей дочери.

– А меня Михал Трофимычем зовут, – сказал отец.

Свадьба у них получилась шумной и весёлой, столы поставили тут же, во дворе, почётным гостем был Юрий Иванович, директор управления, у которого работал личным води-

телем отец и где проходил практику Аркадий. Жених на свадьбе выпил лишнего, невесту игнорировал, на «медляки», которые пошли ближе к вечеру, когда старшие разошлись по домам, а молодёжь устроила дискотеку, приглашал Людочкиных подружек, прижимаясь к ним слишком плотно. А Таньку Сквородникову и вовсе так прижал, лапая одной рукой за спину, а второй за попку, что Мишка Синельников, Танькин воздыхатель, не выдержал и полез бить морду «наглому москвичу». До драки не дошло, Мишку уgomонили, а молодых отправили спать, так как завтра поутру им предстояла дальняя дорога. В Москву.

Двадцать лет прошло с тех пор, в мае годовщина как раз была. Людмила ещё поворочалась немного, вспоминая приподнятое настроение, с которым она тогда ехала в столицу, в новую жизнь. Ей казалось, что всё у них с Аркадием будет хорошо. Конечно, она ему не ровня, но она очень-очень постарается стать такой, какая ему нужна. И докажет мужу, что он не ошибся, выбрав её среди прочих девчонок. И делает всё, чтобы стать ему верной и хорошей женой. Вагоны тогда постукивали по рельсам «так-так-так», будто соглашались, что всё именно так и сложится... Лёжа в постели, Людмила очень чётко слышала этот перестук. А потом тёмная морда тепловоза стала надвигаться на неё из темноты. Людмила стояла на четвереньках поперёк рельсов и понимала, что это – Смерть. И что ей никак не успеть от неё увернуться. И тогда она закричала.

– Деточка, деточка, ты что? Проснись, проснись, – ласковые руки трясли её за плечи, и Людмила открыла глаза. Она смотрела прямо в оконце под потолком, и её света хватало, чтобы узнать женщину, сидевшую на краю кровати. Анна Николаевна, хозяйка.

– Ох, извините. Я кричала, да? Мне кошмар привиделся.

– Понятное дело, после такого-то приключения, – кивнула Анна Николаевна и подала Людмиле кружку. – На, хочешь пить? Это морс из малины с вишней, и мята там ещё.

В горле, действительно, пересохло, и Людмила с удовольствием попила кисло-сладкого мятного питья.

– Простите, я вас разбудила.

– Да ничего, дочка, я всё равно бессонницей маюсь. А Савельича и пушкой не разбудишь, дрыхнет себе. Игорёк рассказал, что ты сегодня под поезд чуть не попала.

– Да, – поёжилась Людмила. Остатки кошмара, более реального, чем собственно происшествие, которое не помнилось из-за провала в памяти, выходили ознобом. – У меня вообще в последнее время полоса какая-то из невезений.

– Что так? – приготовилась слушать Анна Николаевна, и Людмила решила рассказать.

– Да на меня весной цветочный горшок с балкона упал, три недели назад я чуть газом не отравилась, теперь вот это, в метро.

– Да ты что! – ахнула старушка. – А как всё случилось?

– Да так вот как-то всё, я же говорю – полоса.

– Ой, деточка, слава богу, что всё так закончилось, что бог отвёл, – не стала настаивать на подробностях хозяйка. – Ладно, ты спи, и я лягу. Если что – зови, не стесняйся.

Анна Николаевна ушла, а Людмиле опять не спалось. Теперь в голове возникали картины всех этих её неприятностей. Горшок с бегонией был в конце мая. Он грохнулся у самых ног, рассыпавшись на брызги черепков и обнажив ком земли с переплетением корней. Стебель растения обломился и лежал рядом с кучкой земли жалким обрубок, увенчанным нежно-розовыми соцветиями. Людмила, как и тогда, вздрогнула от понимания, что ещё полшажочка, и на такие же мелкие черепки разлетелась бы её собственная голова, и это она лежала бы жалким примятым стеблем. Но – повезло, отделалась синим ногтем на левой ноге – горшок задел большой палец. Самое интересное, что Людмила была единственным участником и свидетелем происшествия: двор в эти минуты словно вымер. Она тогда даже вычислила, откуда прилетел «гостинец» – с шестого этажа, где между горшками, выставленными на навесных подставках, бродила серая кошка. Наверное, она и столкнула один из них. И Людмиле крупно повезло, что не успела сделать полшажочка.

Во второй раз ей повезло в середине июня. Аркадий тогда уезжал в Питер по делам и взял с собой Соньку, и Людмила ночевала в квартире одна, еле выпроводив вдруг зашедшую в гости Лидушу, сослуживицу. Та пришла со сценарием, в котором ей срочно понадобилось что-то уточнить.

Естественно, не обошлось без чая, и что-то так они обе засиделись, ведя какой-то нескончаемый тягомотный разговор, что Людмила наплевала на всякие приличия и откровенно зевала, только что не выставляя Лидушу за дверь. Еле дождалась, пока та уйдёт, и только заснула, как её разбудило веселье за стенкой. Видимо, соседи тоже уехали на выходные, и их сын-подросток закатил вечеринку. Музыка мешала. От музыки даже голова разболелась. Пришлось встать и пойти на кухню поискать таблеток, и уже там до неё дошло, что в квартире невыносимо воняет газом. Людмила бросилась открывать окна, высунулась отдышаться и чуть не вывалилась наружу: от свежего воздуха в голове закружилась карусель. Когда вызвала газовщиков, те обнаружили, что совершенно сломан газовый вентиль на общей трубе, и газ сифонит с такой скоростью, что ей не хватило пары часов, чтобы надышаться до отравления. «Что же вы так запустили оборудование, хозяйка?» – попенял ей тогда пожилой усатый мастер. «Разве можно с газом шутить? Так может рвануть – у соседей стены вылетят!»

А потом на неё ещё накричал и Аркадий, появившийся к вечеру. За то, что неправильно закрывает газ, за то, что спит с закрытыми форточками и за то, что из-за своей безалаберности она когда-нибудь их всех сведёт в могилу. Интересно, а что он скажет сегодня вечером?

Глава 3

– Ну, знаешь, на этот раз ты превзошла сама себя! Это каких же надо было ворон считать, чтобы умудриться рухнуть под поезд! – Аркадий, когда орал, всегда брызгал слюной, и Люда машинально стёрла капли, попавшие ей на голое плечо. – А если бы ты погибла или покалечилась? А если бы Сонька не у твоих родителей гостила, а в Москве была? Что бы она делала с мамашей, которая пострадала из-за своей тупости?

Аркадий распалялся всё больше и больше, будто накручивая себя, и Людмила подумала, что на этот раз он что-то слишком расшумелся. Перепугался за неё, наверное. За двадцать лет семейного стажа она уже привыкла к взрывному характеру мужа. И старалась лишний раз его не провоцировать, хотя это было не так-то просто: Аркадий мог психануть из-за непредсказуемого пустяка и орать минут пятнадцать, а потом сказать что-то вроде «Видишь, как ты меня довела». Людмила видела, и старалась не подворачиваться мужу под горячую руку. Или, если уж подвернулась, смолчать и дать ему проораться. Что поделаешь, работа у него такая, нервная, сплошные стрессы после этих клиентов и разборок в судах.

Вот и теперь она молчала, чувствуя, как улетучиваются покой и умиротворение, которыми она наполнилась за один

день и две ночи жизни в Луговой. Там было хорошо. Там был птичий гомон, запахи цветов и мяты, шершавый малинник, куда Анна Николаевна пустила её погостить на только что созревшей малине. Там были рыжий петух и пёстрые куры, гулявшие на соседнем участке, и толстый щенок, которого таскали ребяташки, подхватив под коричневые лапы. И он висел у них в руках покорно, болтая этими своими лапами и показывая розовый круглый живот. А потом они отпустили его на землю, и щенок, тывкая, стал бегать за детьми, будто играя в пятнашки. А малина, крупная и прохладная, переспело сыпалась ей в подставленную ладонь, и нужно было заглядывать в серединку каждой ягоды, потому что иногда там сидели какие-то мелкие козявки, и их нужно было сдирать. А петух был похож на султана, который важничал среди своего гарема. А куры-жёны не обращали на него никакого внимания, им было интереснее рыться в траве и склёвывать добычу.

Время там шло совсем по-другому, и Людмила даже не удивилась, когда и вечером Аркадий не отозвался на звонки на домашний и мобильный номер. Она приняла как дополнительный подарок ещё одну ночёвку в «мансандре» под стрёкот сверчков, ещё одно утро с птичьим гомоном и криком соседского «султана». В десять часов утра Людмила дозвонилась, наконец, до Аркадия, сообщила, что у неё неприятности и чтобы он её дождался дома – рассказывать подробности по чужому мобильнику и за чужой счёт ей было нелов-

ко. Взяла у Анны Николаевны тысячу рублей, которую ей, оказывается, оставил Игорь. И сначала на электричке, а потом, от Савёловского вокзала, на такси, потому что войти в метро ей было равносильно смертной казни, добралась, наконец, до дома.

– И почему ты мне сразу же не позвонила? – бушевал муж.

– Потому что не хотела тебя зря беспокоить. И потом, у меня всё украли: и мобильник, и документы, и деньги, и ключи.

– Так, теперь нам ещё и дверь менять, – сделал вывод муж. – А ночевала ты эти две ночи под каким забором?

Объяснять мужу про Игоря и дачу на Луговой было опасно. Он и так невзлюбил этого мастера и в тот раз, когда Игорь чинил им смеситель, минут пять выговаривал ей за дверью злым шёпотом, что надо быть последней идиоткой, чтобы привести в дом проходимца, нанятого по объявлению в метро.

– Я у сослуживицы ночевала, у Лидуши, – соврала Людмила.

– У к-какой Лидуши? – поперхнулся Аркадий.

– У Епифанцевой, ты её не знаешь.

Незнакомая Лидуша Епифанцева показалась Аркадию достаточным аргументом, чтобы успокоиться, и он сменил гнев на милость

– Ладно, корми меня.

– Ой, Аркаш, а я ничего купить не успела! – спохватилась

Людмила. — Ты подождёшь, я быстренько в магазин сбегая?
— Подожду, — смилостивился муж и пошёл к себе в кабинет к компьютеру.

Бродя меж полок ближайшего к дому супермаркета и планируя прикупить для ужина курицу с горошком, Людмила вдруг поняла, что обижена. Обижена на Аркадия, обижена впервые за весь срок их семейной жизни! Это чувство было для неё внове. Она всегда знала, что с мужем ей повезло. Что он лучше неё знает, как их семье жить. Он привёз её в Москву, он уберёг от слишком ранних родов, убедив прервать беременность, последствие их той, самой первой, ночи. Он помог ей перевестись в московский вуз, он советовал, что читать, смотреть и где бывать, чтобы поскорее превратиться в москвичку.

Она очень старалась и расти, чтобы соответствовать, и приспособливаться к его характеру, потому что с детских лет точно знала: первая задача жены — поддерживать мир в доме. Старалась, совмещая учёбу в институте с уходом за супругом. Впрочем, тогда за Аркадием ухаживали сразу три женщины из их московской коммуналки на Пятницкой: Людмила, свекровь и Варвара. Одной бы ей тогда с обслуживанием мужа, требовавшим каждый день свежую сорочку, выглаженные брюки и что-нибудь вкусненькое на ужин, было не справиться. Аркадий уже тогда всю показывал характер, вопя по любому поводу так, что было слышно соседям в коридоре. Вопли пережидались всеми троими: Людмила тер-

пела, потому что жена, свекровь – потому что сын удался весь в покойного мужа, Варвара – чтобы не нарываться.

Через шесть лет, Людмила как раз окончила институт и учила своих первых первоклашек, свекровь серьёзно заболела, а ещё через полгода – померла. Но за эти полгода их коммуналкой в центре Москвы успела заинтересоваться риэлторская компания, которая расселила всех по отдельным квартирам. Варваре досталась однокомнатная квартира на улице Лобачевского, им с Аркадием – «двушка» в Новых Черёмушках, где и началась их отдельная семейная жизнь. Теперь Людмиле уже одной приходилось справляться с обиходом. Впрочем, какое-то время им помогали её родители. Отец приезжал на новоселье и довёл до ума их новую квартиру. Тогда жильё ещё сдавали с отделкой, сразу пригодным для заселения, но всё равно в новостройке находилась уйма поводов приложить руки: форточку разбухшую подтесать, плинтус щелястый подбить, розетки, которые в первую же неделю вывалились из панельных стен, укрепить, балкон застеклить, чтобы сквозняков не было. Между делом отец помогал и по хозяйству – на рынок мог сбегать за продуктами или полы помыть. И Людмила была ему за эту помощь благодарна: сама она просто разрывалась между школой и домом, уставая до тошноты и головокружения.

К третьему месяцу тошноты выяснилось, что она беременна. Аркадий опять попытался её уговорить избавиться от ребёнка, – мол, молодые ещё, только жить начинаем, да-

вай подождём. Но Людмила заартачилась – слишком тяжёлыми были воспоминания о первом аборте, да и врачиха в консультации предупредила, что ей лучше рожать, если не хочет остаться бесплодной. Так у них появилась Сонька.

Имя для дочки выбирала Людмила – Аркадию было всё равно, он вообще первые полгода будто брезговал ребёнком, даже в комнату, где спали Людмила с дочерью и приехавшая на подмогу тёща, старался не заходить. А Людмила, зная уже, что у неё будет девочка – УЗИ тогда всем подряд не делали, но по всем приметам (живот дынькой, лицо пятнами) так выходило – несколько вечеров перебирала женские имена, пока не остановилась на имени Софья. Так звали мамину тётушку, легендарную личность, которая работала в их ставропольской школе учительницей французского, необъяснимым чудом получила путёвку в Париж, там познакомилась с французом и вышла за него замуж. Эта история превратилась в семейную легенду, и маленькая Люда слушала её перед сном, словно сказку. Француз оказался натуральным принцем, с дворянским титулом, кучей денег и дворцами по всей Европе. Ну, или не по всей, но штук пять точно у него было. Тётушка была старшей сестрой бабушки, мама была единственным и поздним ребёнком, одним на обеих сестёр, да к тому же умудрилась родиться копией тётки. Поэтому вполне объяснимо, что когда тётка овдовела, она решила сделать племянницу своей наследницей. О чём и передала с оказией письмо – по почте не решилась, уверенная, что все

письма из-за границы просматривает КГБ. А в письме написала, что если Галочка прямо сейчас всё бросит и уедет к ней жить во Францию – визу, билеты и разрешение на выезд тётка бралась организовать – то станет прямой и единственной наследницей графини д'Аржансон, в девичестве Софьи Козиной. И отдельным списком – что именно унаследует племянница.

Мать рассказывала, как у неё, в ту пору двадцатилетней комсомолки и отличницы, голова закружилась. Но не от открывающихся перспектив – на неё вдруг дыхнуло тлетворным влиянием Запада. Ей прямым текстом предлагали продать Родину. Пусть очень задорого, но – продать. А советские люди, строители коммунизма, так не поступают. И вообще, что значит – всё бросить и уехать? А Мишка Романов, с которым они вчера впервые поцеловались? А практика в школе, которая начнётся через неделю? А мама, в конце концов, с кем тут останется? Одна, с пьющим отцом? Мало ей неприятностей от сестры-иностранки, вон, в каждой анкете заставляют писать, позор – не отмоешься, теперь ещё из-за дочки краснеть? И Галочка отнесла тётушкино письмо в комитет комсомола. Комсорг, вспоминала мать, похвалил её «за бдительность» и сказал, что дети за родителей, в смысле, племянницы за тёток, не отвечают, и что он передаст документ куда следует. Видимо передал, потому что вторым и последним письмом от тётки-графини было короткое «Как знаешь».

Больше тётка ей не писала – как видно, обиделась. И какое-то время Галочка, а впоследствии – Галина Андреевна – думала, что оно и к лучшему. Тёткино наследство было нереальным, как мираж. А реальная жизнь была здесь: школа, где она преподавала в начальных классах, любимый муж Миша, дочка Людочка. Какая графиня, о чём вы! Хотя заноза в душе явно осталась. Иначе, зачем мать сохранила второй лист из письма, с перечнем графского имущества? И почему рассказывала маленькой дочке историю про девочку Соню, которая хорошо себя вела, выросла большая, уехала в сказочную страну и вышла замуж за принца, у которого было несколько прекраснейших дворцов? Видимо, что-то из детства в Людмиле и отозвалось, когда она решила назвать свою дочь Соней.

А страницу из тёткиного письма с оценкой наследства в полтора миллиона фунтов стерлингов мать ей показала, когда Соньке было полтора года, в один из их приездов в Ставрополь. Сказка оказалась былью. Людмила поняла, что в своё время двигало матерью, а вот Аркадий, когда жена пересказала ему семейную историю об упущенном наследстве, не понял. И назвал тещу «совковой идиоткой, свернувшей шею собственной птице счастья».

Ну так вот, до сих пор Людмила на Аркадия не обижалась, ни разу. К дочке не подходит? Так все мужчины младенцев бояться! Маму её недолюбливает? Так все мужья тещ не переносят! С отцом поссорился в его последний приезд

в Москву? Так папа сам виноват: зачем было говорить, что настоящий мужик должен уметь руками работать, а не языком молоть. Ох, и разругались они тогда с Аркадием! Отец даже сказал, что если бы знал, каким никчёмным мужиком окажется муж его дочери, ни за что бы на свадьбу не согласился. А муж сказал, что он и не напрашивался и никого тут, у себя в доме, не держит.

Даже тогда Людмила на него не обиделась. А сегодня – проняло. Слишком уж всё было неправильно: она едва не погибла, а Аркадий бесится. Получается, чужой случайный мужчина её пожалел, а родной муж – обругал.

Курица уже подрумянивалась в духовке, когда зазвонил телефон, и Людмила сняла трубку в прихожей.

– Людмила? Здравствуйте, это Игорь Захаров. Как вы там?

– А, здравствуйте! Спасибо, всё в порядке, – она отчего-то обрадовалась его звонку. Но говорить старалась негромко, чтобы из комнаты не услышал Аркадий и не начал выяснять, что за мужики ей называют.

– Вижу, что в порядке, раз до дому добрались. Больше никаких приключений с вами не случилось?

– Ой, нет, хватит уже приключений, – замахала ладонью Людмила, как будто он мог её видеть. – Кстати, спасибо за деньги, они меня очень выручили. Скажите, как их вам вернуть?

– А вот когда вызовете меня раковину менять, тогда и со-

чтёмся, – в его голосе слышалась улыбка. – Визитка моя не пропала?

– Нет, – вздохнула Людмила – только она и не пропала. Пойду сейчас какой-нибудь дешёвенький мобильник купить и «симку» восстанавливать.

– Слушайте, у меня идея, – воодушевился Игорь. – Мне нужно свой старый мобильник продать. Может быть, вы купите?

– А... сколько стоит? – опешила Людмила.

– Недорого, договоримся. Ну, так во сколько и где встречаемся?

– Давайте часов в семь. И где-нибудь в нашем районе – я не могу спускаться в метро.

– Понял. Тогда я вам позвоню вечером. До встречи.

– Да, всего хорошего, – сказала Людмила, поднимая глаза на вышедшего в прихожую мужа.

– С кем это ты? – поинтересовался он, принюхиваясь к запахам из кухни.

– Так, со сценаристом, – нашлась Людмила. – Пошли, я буду тебя кормить.

**

Игорь сам не мог себе объяснить, с какой стати он вылез с этим своим старым телефоном. Не было у него никакого старого мобильного. Вернее, был допотопный «Эриксон», но этого мастодонта величиной в полторы его ладони и с трещиной на дисплее не то что продавать – на бедность подать

было бы стыдно. Валялся себе в столе, постепенно становясь ретро-раритетом. И выскочил внезапно из подсознания, пока Игорь лихорадочно искал повод увидеться с Людмилой. Почему-то ему казалось, что просто так, без повода она с ним встречаться не станет. Или, что ещё хуже, согласится и начнёт ему возвращать эту дурацкую тысячу рублей, как будто он жлоб какой. В общем, раз пообещал телефон – делай.

Подходящий аппаратик он присмотрел в ближайшем салоне связи. Маленькую чёрно-серебристую трубку-раскладушку за четыре тысячи рублей. Он прикинул в уме, сколько это получается от заработка от нынешней шабашки, которая пошла на удивление легко и закончилась уже к сегодняшнему обеду, и усмехнулся – десятина. Вроде налога с дохода, но не в дырявый карман государства, а на пользу конкретному человеку. Пусть уж будет Людмиле хоть какая-то компенсация за вчерашний ущерб!

– Ты чё, совсем тупая? Ты каким номером ордер закрыла? – спросили у него за спиной. Игорь оглянулся. Пигалица в жёлтой майке, уперев руки в бока, отчитывала напарницу, которая сидела за кассой.

– Так, как положено: одиннадцать дробь десять, – напряглась та.

– Ага, положено. Наложено! Сколько раз тебе можно повторять: эти ордера мы закрываем как одиннадцать дробь двенадцать. До тебя вообще что-нибудь может прийти, хотя бы с третьего раза? Или надо по десять раз повторять?

– Не надо десять раз, я всё поняла, – девушка за кассой была взрослее пигалицы, но та, видимо, была у них за старшую. И на правах начальницы самозабвенно елозила напарницу мордой об стол, не обращая внимания ни на парня, выдававшего банковские кредиты – тот от неловкости смотрел в стол – ни на посетителя. А может быть, и обращала, и именно для них закатила этот концерт, вдруг понял Игорь.

– А раз поняла, почему опять всё перепутала? Ну-ка, взяла и ещё раз всё переписала правильно! Тебе ясно?

– Эй, девушка, это кто же вас так лицом в грязь макал? – негромко спросил Игорь, попав в паузу, пока пигалица переводила дыхание.

– Это вы мне? – развернулась она, не меняя позы «руки в боки».

– Вам. Чтобы вот так унижать человека на публике, нужно сначала самому дерьма нахлебаться. Набраться, так сказать, опыта.

– Ой, да не вмешивайтесь вы! Не ваше дело! – затрепетала ноздрями скандалистка.

– Не моё, – согласился Игорь, – продолжайте, барышни.

И пошёл к выходу – покупать у них телефон ему расхотелось. Впрочем, точно такой же аппаратик он нашёл в салоне той же сети возле метро «Новые Черёмушки». И когда Людмила села к нему в машину, он и показал его первым делом

– Вот, нравится?

– Да... Слушайте, он почти такой, как у меня украли. Надо

же, просто мистика какая-то! А сколько стоит?

– Э-э-э... Пятьсот рублей!

– Так дёшево? – изумилась Людмила.

– Берите, не сомневайтесь! Он хоть и поюзанный, но в очень хорошем состоянии. Я аккуратно им пользовался.

– Да я не поэтому, – смутилась Людмила и, решившись, протянула Захарову полторы тысячи. – Договорились! Вот, это с учётом моего долга. А зарядник к нему есть?

– Есть! – Игорь чуть не полез за коробкой с зарядником, да вовремя спохватился. – Где-то тут, в бардачке валяется, потом найду. Слушайте, я хочу пригласить вас поужинать.

– Меня? – она удивилась так, как будто её никогда не приглашали в ресторан. – А где?

– Выбирайте.

Женщина молчала в растерянности, и тогда предложил он

– Как вам «Старина Клаус»?

– Не знаю, я там не была.

– Рекомендую. Вам понравится.

– Да? Ну хорошо... Только давайте сначала съездим «сим-ку» восстановим, пока время есть.

Офис компании мобильной связи ещё работал, и они довольно быстро успели восстановить номер, уговорив ребят-служащих сделать это по ксерокопии её паспорта. Первым в список новой телефонной книжки попал номер Игоря.

«Старина Клаус» Людмиле понравился. Попали они удачно: для них нашлось место в переполненном зале, где по слу-

чаю выходного дня звучала живая музыка. Музыка была под стать антуражу – какие-то бургерские мелодии. Игорю даже на минуту показалось, что официанты – девушки в голубых пышных юбках, белых кофтах и чёрных жилетках со шнуровкой а-ля «Гретхен» и парни в шортах на лямках и мелко-клетчатых рубашках с коротким рукавом – бросят свои подносы и пивные кружки и закружатся в танце с притопами и прихлопами. Но нет, не закружились, продолжали разносить заказы, пританцовывая в такт музыке.

– Игорь, а мы что-то празднуем? – спросила Людмила, когда он сделал заказ: гуся с черносливом, свинину с капустой, две «Крушевицы» и «солёную тарелку».

– Нет, а почему вы так решили?

– Ну, мы так гуляем, с размахом, – обвела она рукой стол, где уже появились две полулитровые кружки тёмного пива и тарелка с орешками, сушками и ржаными подсолёнными сухариками.

– Ну, что вы, гуляют не так, – улыбнулся Игорь.

– А как? – она попробовала пиво и кивнула – понравилось.

– Ну, минимум по пятьсот баксов на человека оставляют. И не в пивных ресторанах, а в каких-нибудь итальянских. Или французских.

– Да, – подхватила тему Людмила. Пиво оказалось неожиданно крепким, и залпом выпитые полкружки уже отдавались гулом в голове. – Если бы моя мама была чуть смелее,

я бы сейчас так и гуляла – во французском ресторане. Хотя, что это я несу! – она рассмеялась, – совсем забыла! Если бы мама послушалась тётю Соню, то меня бы просто не было. Она бы меня не родила.

– Почему? – спросил Игорь, наблюдая, как официант расставляет еду: гуся – Людмиле, свинину – ему.

– Ну, потому что она не вышла бы замуж за папу. А вышла бы за какого-нибудь французского барона. И родила бы не меня, а барончика!

– Я рад, что она этого не сделала, – сказал Игорь. – Не хотел бы я сейчас сидеть за столом с каким-нибудь французом, не исключено, что – голубым!

Людмила фыркнула, чуть не подавившись черносливинной, и, отхохотавшись, стала рассказывать их семейную легенду про то, как её мать отказалась стать миллионершей. Игорь слушал, хмыкал, поднимал брови – удивлялся.

– Вы тоже думаете, что моя мама – идиотка, упустившая свой шанс? – спросила она, рассказав.

– Нет, конечно, – мотнул головой Игорь. – Просто это был не её шанс.

– Почему? – удивилась Людмила.

– Потому что иначе бы она его не упустила. Перемены случаются, когда человек к ним готов. Ваша мама не была готова. И потом, вы уверены, что тётушкины миллионы сделали бы её счастливой?

– Да бог его знает, – задумалась Людмила. – И потом, ка-

кая теперь разница, тётка уже померла давно. Ей в то время, мама рассказывала, лет шестьдесят было, а с тех пор ещё почти сорок лет прошло. И её миллионы достались каким-нибудь дальним родственникам её мужа-барона.

– Тогда у меня тост, – поднял Игорь свою кружку. – Предлагаю выпить за наши способности по нашим возможностям!

Людмила согласно выпила и подумала, что впервые в жизни ей так легко с женщиной.

Глава 4

До Фонда пришлось ехать полтора часа с пересадками, сначала на автобусе до Кутузовского проспекта, оттуда – троллейбусом до Гоголевского бульвара. Ужас перед подземкой за выходные не улетучился, и даже муторное стояние в душной пробке, которая с чего-то вдруг образовалась на Новом Арбате, казалось Людмиле приличной альтернативой переезду под землёй. Даже с учётом того, что она опаздывала на летучку.

Летучки Княгиня проводила, как правило, по понедельникам в одиннадцать, и терпеть не могла, когда кто-нибудь опаздывал. Этим кем-нибудь обычно оказывался Миша – парень из своего Жулебино хронически не мог добираться в срок. Людмила за восемь лет работы в Фонде опаздывала впервые.

– Доброе утро, извините, – заглянула она в высокую двустворчатую дверь.

– Людмила Михайловна, ну что же вы опаздываете! – Княгиня повернулась к ней вместе со стулом, закрыв массивной спиной половину обзора, и Людмила наскоро кивнула Мише с Ниной, оставшимся в её поле зрения. – И сценарий в пятницу не забрали, Лев Романыч мне звонил с утра, беспокоился. Что-нибудь случилось?

– Да, Ольга Николаевна, у меня неприятности были очень

серьёзные, я не смогла добраться до Багратионовской. Я съезжу сегодня.

– Не надо, он сам вечером занесёт, уже выздоровел, – развернулась обратно Княгиня, и Людмила пробралась к своему столу. – Так, продолжим. Миша, ты до среды должен навести порядок в фотографиях, а то у тебя в твоём компьютере чёрт ногу сломит.

– Обижаете, Ольга Николаевна, – лениво возразил Миша, – у меня там порядок. Надо просто систему знать.

– А я говорю – сломит, – подняла бровь Княгиня. – В пятницу вы отсюда разбежались все, а ко мне из «Итогов» пришли интервью брать. И я, Миша, пытаюсь в архиве найти фото Ильина, именно тем самым чёртом себя и почувствовала! Так что давай, пожалуйста, разбери материалы по-простому: папочка с фамилией, а в ней файлы с именами по темам. А то денешься куда-нибудь невзначай, что нам тут, заново все три тысячи снимков перебирать?

– Да куда я денусь? – попробовал протестовать Миша, заведовавший базой данных и заодно их электронным архивом копий исторических фотографий, но наткнулся на спокойный взгляд Княгини и сдался. – Ладно, переименую.

– Буду очень признательна. Теперь с вами, Ксения Борисовна. Напишите заявку на монтажную с графиком работ, со следующей недели начинаем предварительный монтаж фильма.

– Как, уже? – удивлённо сняла очки Ксения Борисовна,

работавшая в группе режиссёром. – Нам ведь ещё в Леоне Ростопчину писать.

– Кстати о Леоне, – теперь Княгиня смотрела на администратора Нину. – Что у нас с визами?

– У оператора с Ксенией Борисовной всё в порядке, а Лидуше надо новую фотографию сделать, эту они отказались брать.

– Что значит, новую? А эта им чем нехороша? – вскинулась Лидуша. Она в проекте была координатором и, по совместительству, корреспондентом.

– Говорят, что у тебя тот же снимок был на прошлой визе, а с тех пор уже четвёртый месяц пошёл.

– Ну и что?

– Говорят, что в странах Шангена такие правила – обновлять фотографии раз в три месяца. Принеси фотографию завтра, пожалуйста, я в посольство иду к десяти.

– Нет, это просто безобразие с их стороны, – пристукнула ладонью по столу Лидуша. – По-моему, они просто из вредности так поступают, это у них какая-то русофобия!

– Лида, мы не на митинге, – Княгине достаточно было двинуть бровью, чтобы Лидуша присмирела. – Сказано поменять фотографию – меняйте. Не хватало ещё, что бы у нас из-за этой ерунды поездка сорвалась. Скажите лучше, что у вас с фондом русского зарубежья?

– Всё в порядке, – собралась с мыслями Лидуша. – Я договорила с Николаем Данилычем, нам отберут все письма

по теме.

– Отлично, – кивнула Княгиня. – Людмила, поедете вы, примите письма по описи. И до четверга вам нужно три синхрона расшифровать – из Франции запись переслали, из Аргентины, да ещё и мы тут вчера господина Мазурикова два часа писали по поводу объектов исторического наследия. Надо, чтобы Лев Романыч к понедельнику успел их в сценарий вставить. Вопросы есть?

– Есть, – кивнула Людмила. – Ольга Николаевна, когда магнитофон починят?

– Ой, Богатова, ну что вы все ко мне с глупостями пристаёте! – поморщилась Княгиня. – У меня сегодня встреча с министром культуры, а вы мне про магнитофон! По делу есть вопросы?

Все промолчали. Если и были у кого вопросы, как у Людмилы, задавать их всё равно бессмысленно: Княгиня уже приняла решения. А её решения не обсуждались, а выполнялись. А значит, Людмиле опять предстоит расшифровывать многочасовое бормотание героев их будущего фильма. И хорошо, если из этих расшифровок собственно в фильм попадет минут пять «синхрона» – «говорящей головы» в кадре – и минут десять закадрового текста. Правильнее было бы просмотреть всё заранее со сценаристом, выбрать нужные куски, и потом уже их расписывать по словам и минутам! Однако просмотрный видеоманитофон уже два месяца как безнадежно сломался и вместо изображения давал чёрные

полосы на фоне цветной ряби, от которой у сценариста, пожилого диабетика, начинались тошнота и головокружение. Починить аппарат или купить новый у Княгини не находилось то ли времени, то ли денег. Смотреть «Бетакам»-кассеты на обычном бытовом «видике» тоже не получалось – не тот формат. Вот Людмила второй месяц и занималась доводившей её до оупения сплошной расшифровкой интервью.

Нет, в общем и целом ей работа нравилась. Всё-таки, Фонд исторического наследия, всё очень солидно. Офис в самом центре города в настоящем дворянском особняке, люди работают очень приличные, взять ту же Княгиню. Культурный уровень на высоте –приёмы, концерты, презентации в Бальной зале проходят регулярно. Это, конечно, не Венский бал в Манеже, но всё равно публика солидная, отпрыски дворянских фамилий обязательно присутствуют. Да и фильмы на историческом материале делать тоже очень увлекательно, и сами материалы, что к ним попадают из заграничных источников, интересно читать, описывать, вносить в каталоги. Но иногда, вот как сегодня, к примеру, когда замаячила нудная и бессмысленная работа на всю неделю, ей было невмоготу. И в такие моменты закрадывалась мысль, что зря она согласилась с Аркадием, что не нужно было ей уходить из школы.

Работать в школе было интересно, и никогда не скучно, никогда. Да и как можно скучать, когда на тебя смотрят двадцать пар детских глаз? Очень разных глаз на очень разных

лицах. И какой же это кайф, каждый раз делать вместе с ними открытия и видеть, как глаза становятся одинаковыми от горящего в них интереса! Людмила успела доучить свой первый набор детей до середины третьего класса, прежде чем ушла в декретный отпуск. Планировала, что посидит с Сонькой годик, а потом отдаст её нянчить маме и выйдет на работу – детские мордахи стали сниться уже через полгода после родов. Да не тут-то было – Аркадий воспротивился, чтобы тёща поселилась с ними в Москве надолго. Периодические её набеги он ещё терпел, но более месяца жизни с ней под одной крышей не выдерживал. И не потому, что Галина Андреевна была какой-то там склочницей. Нет, характер у них с Людмилой был как раз вполне одинаковый, обе не терпели конфликтов и напряжения в доме. Просто Аркадий, как он говорил, не мог расслабиться, если в доме жил чужой человек.

Вариант, чтобы Соньку отвезти в Ставрополь, тоже не прошёл. В первый же приезд, тогда ей был год, ребёнок отреагировал на перемену климата затяжным зелёным поносом. Чуть до больницы дело не дошло – врачи на всякий случай решили поискать дизентерию. Людмила тогда перепугалась – кто ищет, тот всегда найдёт – сгребла дочку в охапку и улетела в Москву ближайшим же рейсом. Понос прекратился уже в самолёте, и в Москве они врачу даже и не показались. Людмила тогда решила, что девочка так отреагировала на жару, и вторую попытку пожить в Ставрополе они сдела-

ли в ноябре. Понос начался через четыре дня, продолжался неделю и прекратился после посадки во Внуково.

Ту же реакцию Сонька давала на садик, когда её попытались определить туда сначала в три, а потом в четыре года, и врачи, обобщив картину, решили, что это – нечто нервное, и пока у девочки не окрепнет нервная система, её лучше не подвергать стрессовым ситуациям типа переездов и смены образа жизни. Нервная система у дочки окрепла к пяти годам, тогда она и пошла в садик. А Людмила вернулась в школу. Но радость была недолгой: пришлось разрываться между учениками, периодически подхватывающей простуду Сонькой и обслуживанием мужа, от которого её никто не освобождал. Плюс ко всему учителям стали задерживать и так мизерную зарплату.

В общем, когда Аркадий потребовал, чтобы она прекратила маяться дурью и выматывать себя задарма, Людмила сдалась и прекратила. А ещё через какое-то время он через своих знакомых нашёл ей место в Фонде исторического наследия – солидной и престижной общественной организации, работавшей с историческими документами и историческими памятниками, выпавшими из сферы внимания государства.

Людмилу взяли кем-то вроде секретаря-редактора в дирекцию общественных программ. Дирекция занималась поиском эмигрантов, которые хотели бы передать России частные архивы, и оценивала историческую ценность этих бумаг. Дирекцию возглавляла Княгиня – монументальная да-

ма дворянской фамилии. Нередко им попадались свидетельства, заставлявшие по новому взглянуть на привычную «осовеченную» версию российской истории, и Княгиня цитировала эти факты в статьях, интервью, в выступлениях на радио и на телевидении. Ольга Николаевна и на экране смотрелась эдакой царицей, и по радио звучала не менее царственно, и на журналистов вываливала столько фактуры, что те терялись, соображая, как всё это втиснуть в одну-единственную статью. И писали много.

Людмила должна была организовывать эти выступления и интервью, решать вопросы, связанные со съёмками, иногда выполнять кое-какую секретарскую работу. Платили в Фонде, в общем-то, те же деньги, что и в школе, но загрузка у неё здесь была не в пример меньше. Оставалось время и на мужа, и на дочь, которая как раз пошла в школу, и Людмила смогла на Соньке оттачивать свой педагогический талант. Впрочем, она его и так не хоронила, сделав чем-то вроде хобби и интересуясь альтернативными подходами в образовании: вальдорская педагогика, Щетинин, Волков. Они с малышкой Сонькой даже ходили на занятия по методу Монтесори, где с детьми занимались всякими интересными штуками: играли с пальчиками, катали шарики, танцевали под музыку. И там дочка однажды отмочила номер. Схватила колокольчик, которым обычно ведущая собирала детей в круг, и сама зазвонила. Дети собрались вокруг неё, и трёхлетняя Сонька начала показывать им игры с пальчиками – всё, что запом-

нила за пять занятий!

Так что дочка у неё росла смышлёная и самостоятельная, училась без особых проблем. Вот только с отцом у неё в последний год отношения что-то совсем разладились. Вон, перед отъездом в Ставрополь как ему надерзила. Надерзила и убежала к подружке, а Людмиле потом пришлось сорок минут выслушивать истерику на тему: «Твоя дурно воспитанная дочь меня не уважает».

Людмила поймала себя на мыслях о дочери и вздохнула – соскучилась.

– Ладно, ладно, всё не так плохо, – поняла её по-своему Княгиня. – Министр с грантом обещал помочь, купим сразу монтажный комплекс, будет где и кассеты отсматривать, и фильмы собирать. Лидуша, кстати, я совсем забыла. Что у нас с описью архива баронессы де Войе?

– Всё нормально, Ольга Николаевна, ещё треть наименований осталась. Я после Лиона займусь, – поспешно ответила Лидуша.

– Нет, после Лиона тебе будет некогда, у вас с Ксенией Борисовной наступит горячее время – мы должны сделать фильм к августу, успеть получить эфир до начала сезона, чтобы нам прайм-тайм дали. А то в сентябре все эти рекламодатели очнутся, начнут время занимать, и нас опять в час ночи не понятно для кого покажут. Давай-ка ты до отъезда введи в курс дела Людмилу, она посвободнее, пусть с каталогом и заканчивает.

В Лидушиных глазах отразился ужас.

– Нет! Ей нельзя!

– Почему это? – удивилась Княгиня.

– Она всё напутает, и вообще, мне проще доделать самой, чем с самого начала объяснять кому-то! Ольга Николаевна, я справлюсь, я успею!

Лидушино лицо пошло красными пятнами. «Надо же, как разволновалась, что с работой не справится. В опалу боится попасть, что ли?» – удивилась Людмила. А вслух сказала

– Ольга Николаевна, пусть Лидуша доделывает каталог. А я лучше с отснятым материалом поработаю, я знаю, как раскадровку делать, мне Ксения Борисовна показывала.

– Да делайте, как хотите, – сдалась Княгиня, наскоро освежая помаду на губах, – лишь бы результат был. Всё, я в министерстве. Буду к четырём.

Княгиня унеслась ураганом, и народ по случаю затишья уселся пить чай с вафельным тортиком. Тортик принесла Ксения Борисовна, а чай у них было принято пить за круглым колченогим столом, стоявшем в углу комнаты. На рабочих местах чай не пили, во-первых, потому, что Княгиня не одобряла, если кто сидел с кружкой у компьютера. А во-вторых, после того как Миша выплеснул чай на бумаги и клавиатуру, которую пришлось разбирать и просушивать, повторять его подвиг никому не хотелось.

– Люда, а что с вами случилось? Вы сказали, в пятницу были неприятности? – спросила Ксения Николаевна, наре-

зая тортик на кусочки.

– Да, стыдно говорить. Я в метро под поезд упала, – ответила Людмила, показывая ссадины на ладонях.

– Что? – Ксения Николаевна от неожиданности оперлась о край стола, и тот накренился.

– Осторожно, чашки! – успела подхватить чашки Нина. – Люда, разве можно так пугать!

Людмила пожала плечами.

– А... как? – не смогла толком спросить Ксения Борисовна, но Людмила её поняла.

– А бог его знает. Кто-то толкнул в спину, там толчея была, а я на краю стояла. Ну, и упала прямо под поезд.

– Люд, а приведения что, тоже чай пьют? – с интересом рассматривал её Миша.

– Не знаю. Я пока жива, как видишь, – улыбнулась Людмила. – Да ладно вам всем, всё обошлось, ладони только ссадила и коленки ободрала. Ну, и испугалась, конечно, до обморока. Я не очень в курсе, как все потом было, говорят, на рельсы успела лечь ничком, да и поезд не доехал – я у первого вагона упала. У меня провал в памяти, помню с того момента, как в комнате дежурной мне ватку с нашатырём дали понюхать.

– На, – Ксения Борисовна придвинула ей чашку с чаем. – Видно, ангел-хранитель у тебя сильный, раз от верной смерти уберёг.

– Ну да, работы ему в последнее время хватает, – кивнула

Людмила.

– Всё, не могу больше этого слушать, – Лидуша резко встала из-за общего стола, схватила кружку и пошла за свой стол. – И чего только люди не придумают, чтобы на себя внимание обратить!

– Лидуша, ты что? – удивилась Нина. – Какая муха тебя укусила?

– Никакая. Всё, не мешайте работать, мне письмо в посольство нужно составить и программу визита расписать.

Они допили чай в молчании, всем было неловко из-за неожиданного Лидушиного взбрыка. Пауза тяготила, и когда Нина позвала

– Пошли, покурим!

Людмила с облегчением вышла на лестницу постоять за компанию. Миша потянулся за ними.

– Во, бесится наша старая девушка, а? – хохотнула Нина, прикурив от Мишиной зажигалки.

– Я всегда говорил – сексуально неудовлетворённая женщина опасна для общества, – согласился парень с таким видом, словно степень этой самой удовлетворённости зависела лично от него.

– Ой, а тебе откуда знать? – удивилась Нина и предположила, – Наверное, её любовник бросил.

– Чей любовник? – не понял Миша.

– Ну не мой же! Лидушин любовник. У неё мужик завёлся, наконец, точно знаю. Месяца два уже. Нет, точно, перед

майскими это было. У неё телефон на столе звонил, я трубку сняла, а он мне: «Лидонька?» И так проворковал, что я прямо обмерла.

– А с чего он тебя Лидонькой назвал? – совсем запутался в сюжете Миша.

– Да потому что перепутал! У нас ведь с ней голоса похожи, сам знаешь!

– А! – дошло до парня. – И что?

– То. А как-то в конце мая я утром пораньше приехала, зашла в комнату, а Лидуша по мобильному воркует: «Да, любимый! И я тебя, родной!». И смеётся так, по-русалочьи. Ну, ты знаешь, – кивнула Нина Людмиле, как посвящённой в тайны женских обольщений. Миша этих тайн явно не знал и призадумался.

Призадуматься было о чём – тридцатидвухлетняя Лидуша опасалась мужчин. В Фонд она пришла работать примерно год назад, перейдя к ним с какого-то кабельного телевидения. Работала старательно и самозабвенно – другие возле Княгини не задерживались – но выдавала очень странные реакции на самые простые житейские ситуации. Так, забредшие в кабинет электрики – проводка в особняке была старой, не рассчитанной на такое количество чайников и компьютеров, поэтому периодически на каком-нибудь этаже вырубался свет – напугали её до ступора запахом перегара и деликатным «итыть», которым один из них, щуплый мужичонка с мятым лицом, пользовался для связки слов. И когда они

ушли, Нине пришлось отпаивать Лидушу чаем, а та возмущалась: «Ну как могут быть люди такими грубыми и необразованными? Вы заметили, какая от них шла агрессия? Мне казалось, что если бы я осталась с ними одна, они бы просто кинулись на меня!». «Ага, и надругались», – согласилась Нина, и Лидуша смертельно обиделась. И не разговаривала с ней целую неделю, сообщив Людмиле, что ничего другого от женщины, нагулявшей себе ребёнка, ждать не приходится. Потом как-то с ней случилась истерика, когда Ксения Борисовна купила малышу внуку костюмчик, не угадала с размером и принесла обнову на работу – вдруг кто купит? Спросила: «Лидуша, взгляни, может, тебе пригодится»? А Лидуша вдруг разрыдалась и стала кричать, что уж от Ксении Борисовны она такого не ожидала. Бедная режиссёрша, добрейшей души человек, перепугалась, начала извиняться, и поскорее убрала костюмчик – очень славный, кстати, трикотажный, с аппликацией-медвежонком на спинке кофточки и медвежьими ушками на шапочке – с глаз долой. А Лидуша, которой Людмила скормила горсть таблеток валерьянки, ещё с час всхлипывала над стаканом с водой и приговаривала, что с их стороны жестоко тыкать ей в лицо её одиночеством. Нина и Миша, появившиеся тогда ближе к обеду и пропустившие шоу, так и не поняли, отчего Лидуша сидит с опухшими глазами. А Людмила поняла, что девушка очень сильно озабочена неустроенностью в личной жизни. И при этом, судя по тому, как она разговаривает с Мишей

или иногда заглядывающим по делам заведующим архивом фонда Лёней – строго, на «вы», будто заранее ждёт от них какой-нибудь гадости – она боится мужчин. В то же время с пожилыми мужчинами, их постоянным оператором Всеволодом Ивановичем и сценаристом Львом Романычем, Лидуша общалась более свободно. У Людмилы сложилось впечатление, что девушку сильнее всего напрягают молодые мужчины, возможные женихи. И тут вдруг – любовник и смех русалочий.

– А как меня заметила, – продолжала тем временем Нина сплетничать про Лидушу, – сразу тон сменила: «Иван Иванович, я всё поняла, обязательно передам, ровно в восемнадцать ноль-ноль!». И с работы в тот день, между прочим, ушла без пятнадцати шесть!

– И что? – очнулся Миша.

– А то, что свидание у них было, в восемнадцать ноль-ноль. Я даже день помню, когда это было: в пятницу, двадцать шестого! Ну, Люд, помнишь, ты ещё торт приносила с вишнями?

Людмила помнила. В тот день было двадцатилетие её брака, и она, не афишируя, принесла торт просто отметить, как она всем сказала, некую веху в своей биографии. К торту с вишнями принесла вишнёвый же ликёр, который в смеси с кока-колой дал вполне приятный на вкус коктейль, и они слегка назююкались этим коктейлем. Они славно тогда посидели, на огонёк подтянулись девчонки из дирекции архи-

тектурных сооружений и принесли какие-то конфеты в коробке и ветчину. Потом пришла Княгиня и от себя добавила бальзам на травах. Да, а Лидуша тогда и вправду быстро ушла. А Людмила сидела долго, потому что Аркадий уезжал на выходные в Нижний Новгород, а Сонька отпросилась пожить у подружки за городом. Так что дома так никто и не вспомнил про двадцать лет её супружеского стажа.

Глава 5

Соседский рыжий петух, растопылив крылья, пытался залезть на пёструю курицу, но та сумела вывернуться из-под его лап и сбежала.

– Что, брат, не в настроении женщина? – посочувствовал из-за забора Игорь. – Бывает. Хотя у тебя вон их сколько, целый гарем, может, другая согласится?

Но у петуха, похоже, пропала охота топтать кур. Он отошёл к краю проулка и принялся разгребать пыль когтистой лапой. В дыру забора напротив протиснулся толстый светло-коричневый щенок, подбежал к Игорю и звонко тьякнул, задрав тёмную мордочку.

– И тебе не болеть, – согласился тот.

– Джек, Джек, куда ты опять сбежал! – теперь в заборе напротив открылась калитка, из неё выбежал мальчишка

– Здравсьте! – Мальчишка подхватил щенка под лапы – тот повис, показывая Игорю круглое розовое пузо – и потащил его обратно на свой участок.

Как же хорошо-то тут, господи! И какой же он дурак, что забросил стариков, столько лет никак толком не выберется, иногда по нескольку месяцев носа не кажет. А они ему не чужие, и кроме него у них никого нет. И они не виноваты, что он вырос полным идиотом, который совершенно не разбирается в людях. Хотя – нет худа без добра, как в простые ра-

ботяги подался, так больше свободного времени появилось. Вон, сегодня даже время нашлось поделаться кое-что по хозяйству. Дом ветшает потихонечку, дед не справляется, старый уже стал, устаёт быстро, вон, посреди дня поспать прилёг.

Игорь дышал, словно пил сладкий воздух, и жалел, что по собственной глупости столько лет лишал себя этого удовольствия. Пока со своим бизнесом крутился, времени на поездки на Луговую почти не было. А когда свободное время случалось, он отдыхал совсем в других местах. Вика не признавала, как она говорила «плебейских радостей», к которым причислялся и домик в деревне, предпочитала Крушавель или Ниццу. Наверное, и сейчас подставляет солнцу своё позмеинному гибкое тело на берегу Средиземного моря. Или какого-нибудь океана – ему очень ясно представилось бронзовое от загара тело бывшей жены. А сволочь Петрысик натирает её маслом для загара. И та ничего, не возражает. Хотя когда-то презрительно губку оттопыривала: «Что за фамилия – Петрысик? Похоже на кличку дворовой собаки!» Интересно, может быть, она и фамилию его взяла? Была Виктория Захарова, стала Вика Петрысик!

Петрысик когда-то был его компаньоном по бизнесу. Когда Игорю загорелось выйти на прямую торговлю с немцами и итальянцами, Петрысика ему, как он тогда думал, бог послал. К тому времени Игорь уже восемь лет занимался продажами сантехники – знал оптовые фирмы, где можно было купить подешевле, и держал несколько точек на строи-

тельных рынках Москвы, где можно было продать подороже. На разницу между «купить» и «продать» жил. Жил вполне неплохо, довольно быстро собрал на однокомнатную квартиру, куда и переехал от стариков. Хотя и жилось ему у Анны Николаевны и Сергея Савельича как у родителей (будь у него мать с отцом, он предполагал, что именно так бы и жилось), но пять лет жизни с ними под одной крышей сбили ту охоту, что накопилась за годы, когда Игоря отпускали к ним из интерната по выходным или погостить на каникулах. Жить со стариками было хорошо, но ему захотелось самостоятельности. Да и девушек, которые вдруг стали в изобилии появляться в его жизни, нужно было куда-то приводить.

Вспоминая то время, он не мог различить деталей – все его подружки сливались в некий собирательный образ. Эдакая блондинка в мини-юбке с густо намазанными ресницами и губами и мятной жвачкой во рту. Инструкция по употреблению была простой и незатейливой: коктейль в баре ночной дискотеки, пара «медляков» в обжимку в потной толпе, бросок «на хату» с заездом по дороге в магазин за фруктами, вином и презервативами. И утреннее «тебе пора, крошка, я позвоню». Вика на этом фоне выделялась, как ястреб среди кур. Как куница среди сусликов. Гибкая, стремительная, с твёрдыми мускулами под смуглой кожей, с косой чёрной чёлкой, спадающей на один глаз, круглой родинкой на левом плече. С ней инструкция не сработала. Точнее, забуксовала на первом же пункте. Коктейль она заказала безалкоголь-

ный, «медляк» танцевала на дистанции, не позволяя себя обнимать, а лишь касаясь Игоря то бедром, то грудью, то коленом, изгибаясь во время танца. Наблюдая за игрой гибкого, затянутого в чёрные брючки и чёрную же майку тела – майка мерцала искрами в полумраке – Игорь тогда распалился так, что без дальнейших предисловий предложил ехать к нему. И она согласилась, и уже в машине начала лгнуть и тереться, и ему пришлось парковаться в каком-то дворе, потому что ехать дальше не было никакой возможности. И он уже не вспоминал ни о презервативе, ни о своей роли мачо-соблазнителя. А она, когда всё закончилось, как-то очень быстро исчезла, не оставив ему своего телефона и даже имени не назвав. В общем, в тот раз употребили его.

В эту дискотеку он ходил пять вечеров подряд, игнорируя все заигрывания и обещающие взгляды очередных блондинок в мини-юбках. Он искал брюнетку с родинкой. На пятый вечер она появилась, не сразу его узнала, потом вроде вспомнила. Вика вела себя так, словно между ними ничего не было. Ну, разве что один у другого попросил закурить, не больше! Её отстранённость настолько не вписывалась во все его сложившиеся к тому времени представления о женщинах, что он попался. Это была женщина-вызов, женщина-добыча! И право обладать этой женщиной ему надо было заслужить.

Он и служил, и доказывал свои права все десять лет, что они жили вместе. Даже рождение Стёпки ничего не измени-

ло – только добавило Захарову ответственности, потому что Вике пришлось оставить работу инструктора по фитнесу и сидеть с ребёнком дома, а он был их единственный кормилец и добытчик. Впрочем, сидела Вика недолго, уже в полгода нашла сыну няньку и опять стала бегать в фитнес-центр, буквально за месяц возвратив фигуре прежнее идеальное состояние. Нет, даже лучше прежнего – её грудь и бёдра после родов стали чуть пышнее. И когда Игорь при случае увидел в спортклубе, какими глазами смотрят на его жену местные качки, он понял, что должен что-то делать. Что должен взобраться на такой уровень, на такой пьедестал, откуда все эти соперники покажутся ей размером с тараканов.

У него к тому времени скопился уже некий капитал, который он передумал тратить на строительство загородного дома, а решил пустить в дело. Игорь задумал перейти на оптовую торговлю сантехникой и закупать товар напрямую, без посредников. Решительности ему было не занимать, не хватало только знаний. Того же английского или немецкого, чтобы вести переговоры. Или владения всяческими таможенными тонкостями, чтобы без проблем провозить товар из-за границы. То, что товар пойдёт, он не сомневался – вон как улетает с его точек, не смотря на то, что справа и слева ещё ряд таких же магазинчиков с тем же ассортиментом. Оставалось правильно организовать процесс.

Петрысик пришёл к нему по объявлению наниматься зазомом. Они проговорили два часа, и Игорь понял, что этого

мужика со смешной фамилией ему бог послал (или не бог, как он думал уже впоследствии). Петрысик несколько лет проработал в компании, подобной той, что задумал создавать Игорь. И очень чётко знал все подводные камни, да и ошибок насмотрелся и мог подсказать, как их избежать. Он стоил гораздо больше тех полутора тысяч долларов, которые Игорь мог положить ему на зарплату. Петрысик предложил свою схему сотрудничества: пятьсот долларов оклад и тридцать процентов от прибыли. Игорь согласился.

– Игорёк, молочка хочешь с малинкой? – тронула его сзади за локоть Анна Николаевна, отвлекая от мыслей.

– Хочу, – развернулся к ней Игорь и потянулся всем телом, прогоняя морок воспоминаний. – Эх, какая же здесь красота!

– Да, у нас хорошо, – согласилась Анна Николаевна и пошла к веранде. Игорь направился следом. – Приезжал бы почаще, отдыхал в тишине на свежем воздухе. Подружка твоя, Людмила, прямо ожила за субботу.

– Она не подружка, она знакомая, – поправил Игорь, усаживаясь за круглым столом.

– А, без разницы, главное – женщина хорошая.

Анна Николаевна налила холодного молока в бокал, придвинула чашку с ягодами и блюдо с бубликами. Игорь прихватил одну ягоду и, прежде чем есть, рассмотрел. Внутри малинины сидел маленький клопик. Пришлось сдуть.

– Как вам жилось с Людмилой? Не хлопотно? А то я при-

вёз к вам без спросу чужого человека...

– А нормально жилось, не в обузу. Она с обедом мне помогала, малину эту вот собрала. В первую ночь, правда, кричала во сне, кошмары ей снились. Во вторую тихо спала.

– Закричишь после такого стресса, – согласился Игорь.

– Я вот что думаю, – сказала Анна Николаевна, наливая и себе молока и усаживаясь напротив, – у меня знакомая одна есть, а у неё тётка в деревне живёт, где-то в Подольском районе. И у них в этой деревне бабушка есть, которая порчу снимает...

– Анна Николаевна, а это вам зачем? – удивился Игорь, уже приготовившийся выслушивать долгие речи про очередную невесту.

– Так для подруги твоей, для Людмилы. На неё точно порчу навели, раз несчастье за несчастьем случается.

– А тут что с ней случилось?

– Да не тут, раньше, – подсадовала его непонятливости Анна Николаевна. – У неё с весны это уже третий случай. Она что, тебе не рассказывала? Ну, так, на неё сначала горшок с балкона упал, потом она газом чуть не отравилась, а про поезд ты знаешь. Ох, сердцем чую, кто-то порчу ей сделал, на смерть.

Игорь хмыкнул недоверчиво, но старушка говорила так убеждённо, что он невольно заразился её тревогой. И полез в карман за телефоном.

– Алло, Людмила? – от звука её голоса ему сразу стало

легче. — Рад вас слышать, как дела?

— Игорь, вы не поверите. Я, кажется, опять попала в пере-
дрию.

**

Ехать ко Льву Романовичу Людмиле всё же пришлось. Выздоровление сценариста оказалось мнимым, к обеду у него опять подскочила температура, о чём он и сообщил им по телефону извиняющимся больным голосом. Она пыталась договориться с Лидушей, чтобы та съездила, но барышня сегодня была явно не в духе — попросила её не трогать, своих дел полно. Нина, которая вызвалась помочь, могла попасть на Багратионовскую только вечером и сценарий привезти только завтра. А Княгиня требовала, чтобы до завтра сценарий уже прочитали. По всему выходило, что ехать надо было Людмиле. И тут она вспомнила, что от «Ленинки» до «Багратионовской» ходит троллейбус. От их офиса до библиотеки двадцать минут ходу, значит, до сценариста можно добраться по верху и не придётся спускаться в метро! Вот здорово, тогда она к трём часам как раз и поедет.

Пока они обсуждали маршрут, Лидуша успела убежать по своим неотложным делам, Миша — сходить за сэндвичами в палатку неподалёку и вернуться. И теперь, сообразив в конце-концов, как добраться до сценариста, пообедав и закончив расшифровку очередного интервью, Людмила ехала к сценаристу. Она разглядывала в окно троллейбуса проплывающие мимо дома и понимала, что страх перед метро дал

ей повод не спеша рассмотреть летнюю столицу.

Столица, не смотря на пекло, (а может быть, и благодаря ему) была хороша. Большинство москвичей подались за город, гости столицы предпочитали в летний зной гостить где-нибудь ещё, и поэтому полупустой троллейбус шустро мчал по свободному Кутузовскому, и город в отсутствии всегдашней людской и автомобильной толчеи выглядел разомлевшим и томным. Даже рекламные растяжки поперек проспекта, зазывающие на фестиваль в Лужниках, попадались не очень часто.

Впереди показалась Поклонная гора и краешек цветочных часов. Стрелок отсюда было не разглядеть, и Людмила взглянула на свои. Половина третьего. Прежде чем троллейбус свернул к Филям, Людмила успела увидеть фонтаны, пускавшие каскады пенистых струй. И тут ей вдруг так захотелось постоять в их прохладе – она даже почувствовала мелкие брызги на лице – что, подчиняясь спонтанному порыву, она выскочила из троллейбуса и перебралась на другую сторону Кутузовского проспекта, к Поклонной горе.

Возле парапетов прямоугольных бассейнов, отделанных полированным серым камнем, было прохладно и свежо. Людмила постояла под мелкими брызгами, посмотрела, как на них играет радуга, и почувствовала тихое счастье. У счастья был вкус мороженого, и она вспомнила, почему – вот так же в детстве отец как-то водил её в городской парк, и там были фонтаны в прямоугольном бассейне, только не с мра-

морной отделкой, а с серой бетонной. И маленькая Людочка бегала по бортику и ловила брызги, а потом они шли с отцом в кафе, и он покупал ей шарики пломбира.

В летнем кафе под зонтиками пломбира не было – предлагались только брикетики и рожки мороженого «Нэстле». Людмила купила один, откусила – нет, не то. То мороженое, из детства, было вкуснее. Пусть без этих вот карамельно-ягодных изысков, но оно как-то очень основательно таяло на языке, давая полную гамму восхитительных ощущений. А это, сегодняшнее, оставалось во рту излишней сладостью и досадой, будто тебе под видом чего-то давно знакомого и любимого подсунули имитацию, суррогат.

«Кажется, ты стареешь», – усмехнулась Людмила, наблюдая, с каким энтузиазмом поедает своё эскимо мальчишка лет десяти-двенадцати. Мальчишку вкус мороженого вполне устраивал. Он сидел, вытянув ноги в роликовых коньках, и жмурился от удовольствия – отдыхал.

Подростки на роликах попадались часто – судя по всему, они облюбовали дорожки парка и превратили их в роллердром. Людмила подумала, что надо как-то перекрутиться и всё-таки купить Соньке на день рождения ролики – дочка просит их с прошлого лета, а Аркадий никак денег не даёт. А со своей зарплаты у Людмилы тоже накопить не получается – хочется ведь хорошие ролики взять, а не дешёвую дрянь, которая развалится в первый же заезд.

Она встала и пошла по дорожке, наблюдая, как мчатся, об-

гоняя друг друга, голоногие подростки в наколенниках, коротких перчатках, кое-кто – в касках, похожих на половинки дынек, с рюкзачками за спиной. И тут она поняла, почему Сонька просит ролики – летать хочет. Так, как эти дети, которые скользят в свободном полёте, едва касаясь асфальта колёсиками.

– Осторожно! – крикнули за спиной.

Людмила оглянулась – девушка в розовой футболке обгоняла пожилую женщину с малышом лет четырёх, видимо, бабушку с внуком – сделала ещё шаг, и тут земля ушла из-под ног, и она упала, больно стукаясь своими многострадальными коленями.

– Что с вами? Вы в порядке, не ушиблись? – девушка на роликах спрыгнула со ступеньки и склонилась над Людмилой, протягивая ей руку. Острота боли ушла, сменившись тупым нытьём, и до Людмилы дошло, что случилось – дорожка спустилась вниз ступенькой-уступом, а она не заметила. И рухнула. И, кажется, подвернула ногу.

– Носитесь тут, как оглашённые! – сварливо прокомментировала происшествие подошедшая к ним бабушка с внуком. – А тут, между прочим, люди гуляют. И дети. Мало вам свои руки-ноги ломать, вы ещё людей с ног сбиваете!

– Не ругайте девушку, я сама виновата, – поморщилась Людмила. – Под ноги надо было смотреть. Помогите, пожалуйста, я поднимусь.

Девушка подала руку, Людмила встала и попыталась на-

ступить на левую ногу. Та отозвалась острой болью.

– Вот беда, я ногу подвернула, – констатировала она. Всё. Съездила за сценарием. Как теперь до дому добираться? Придётся звонить Аркадию.

– Помогите мне, пожалуйста, до скамейки добраться, – попросила она уже двоих подростков – к девушке подъехал её приятель в черной майке с зелёным рисунком. Ребята отвели её к скамейке, Людмила села и достала мобильник, собираясь звонить. И тут телефон пикнул, приняв «эсэмэску»

«Уехал из города, буду послезавтра, перезвоню» – писал ей муж. Да что ж это такое! Неприятности на неё так и сыплются, а муж, как назло, зачастил в свои поездки, дома почти не живёт! И что же ей теперь делать?

Телефон, словно откликаясь на её отчаяние, разразился трелью. Звонил Игорь, и от его «Сидите там, я скоро» Людмила почувствовала такое облегчение, словно камень сняли с души.

– Сдаётся мне, у вас просто талант попадать в передраги, – сказал ей Игорь час спустя. Он припарковал машину возле автобусной остановки, недалеко от места, где сидела Людмила. Только идти нужно было под горку, и травмированная нога отчаянно сопротивлялась тому, чтобы на неё наступали. Игорь уже поставил предварительный диагноз, взглянув на распухшую щиколотку: растяжение. И теперь Людмила прыгала на одной ножке, опираясь на руку спутника. Благо обувь, босоножки на танкетке, позволяла.

– Сейчас отвезу вас в травмпункт, пусть повязку наложат давящую.

– Ой, нет! – остановилась Людмила. – Сначала ко Льву Романычу, он меня уже ждался, я сценарий должна забрать!

– Слушайте, да наплюйте вы на сценарий! Вам с такой ногой дома надо сидеть, а не работать. Поехали к врачу.

– Игорь, пожалуйста, мне очень надо, – попросила Людмила, и в голосе её звучало такое отчаяние (срывается дело!) и такое раскаяние (из-за её легкомыслия!), что Игорь сдался.

– Ладно. Где живёт ваш Лев Романович?

– Тут недалеко, на Багратионовской! – обрадовалась Людмила.

Но повязку он ей всё-таки наложил, прямо в машине. Распотрошил аптечку, нашёл бинт, из кармана достал носовой платок, смочил его минералкой из бутылки. И, присев перед Людмилой на корточки, туго обмотал распухшую щиколотку сырым компрессом, а сверху всё зафиксировал бинтами. Пока доехали до улицы Баркляя, ноге стало намного лучше, и к подъезду, где жил Лев Романыч, Людмила уже не прыгала, а ковыляла.

На звонок домофона никто не отозвался. На телефонный звонок – тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.